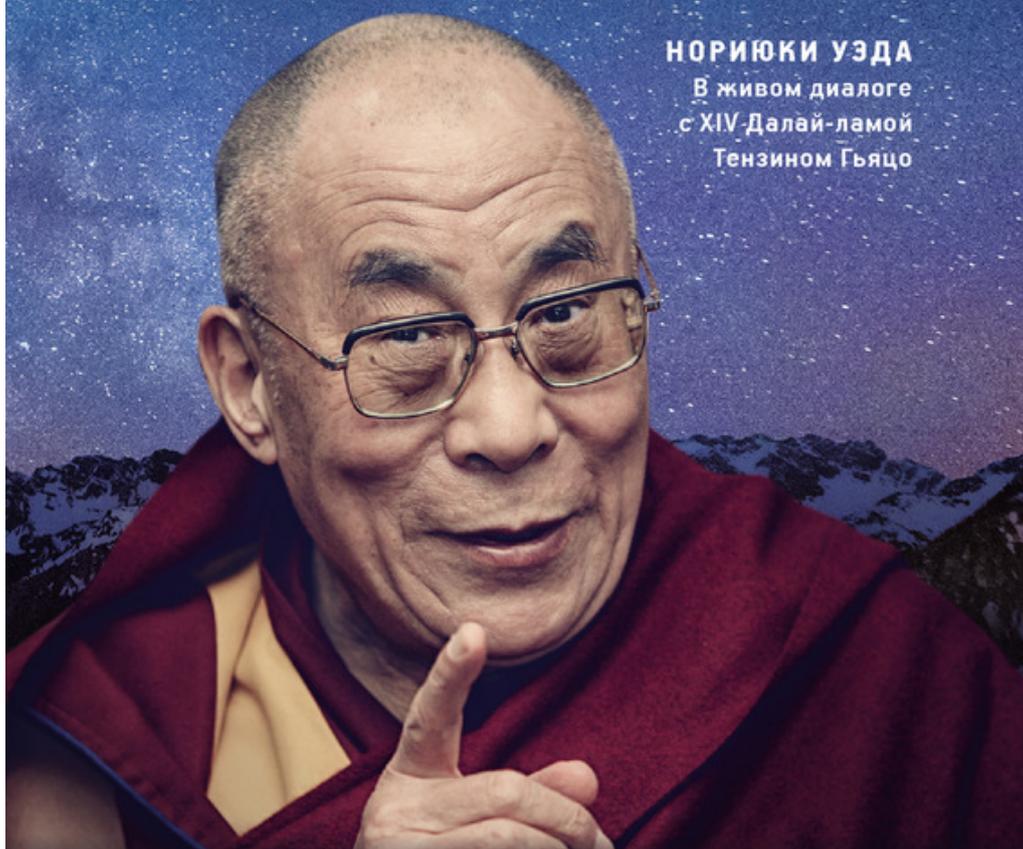

Далай-лама О ГЛАВНОМ

БЕСЕДЫ О ГНЕВЕ, СОСТРАДАНИИ
И НАШИХ ПОСТУПКАХ

НОРИЮКИ УЭДА

В живом диалоге
с XIV-Далай-ламой
Тензином Гьяцо

Нориюки Уэда
Далай-лама о главном
Серия «Самадхи (Ориенталия)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8588804

*Далай-лама о главном/Нориюки Уэда; [пер. с англ. О. Турухиной]. : Ориенталия; Москва; 2014
ISBN 978-5-91994-036-4*

Аннотация

В книге опубликованы материалы бесед Далай-ламы с известным японским антропологом Нориюки Уэдой.

Далай-лама даёт ясные и беспристрастные ответы на вопросы о самом главном: о сострадании и его роли для будущего общества, о гневе и его использовании для достижения благих целей, о любви и привязанности, а также о том, как буддизм может найти своё место в современном мире.

Содержание

От редактора американского издания	5
Введение	6
Глава 1	8
Альтруистическое общество	11
Самое главное	13
Биологические нужды	15
Развитие сострадания	16
Вера и развитие общества	17
Глава 2	20
Ритуал и смысл	22
Буддизм как наука об уме	23
Сострадательный гнев	25
Хорошие и плохие привязанности	27
Знание и практика	30
Модернизация или вера	31
Благотворный дух соперничества	33
Пустотность и сострадание	35
Глава 3	39
Любовь и привязанность	41
Люди и животные	42
Любовь и естественная сила исцеления	47
Глава 4	50
Буддийский дух служения обществу	52
Буддизм и ответственность за самого себя	54
За пределами страдания	55
Эпилог	58
Общественная деятельность Далай-ламы в Индии	62
Крылья свободы	64
Спасение для всех	65
Благодарность	68

Нориюки Уэда Далай-лама о главном

Noriyuki Ueda

The Dalai Lama on What Matters Most
Conversations on Anger, Compassion, and Action

Translation by Sarah Fremerman Aptilon

Hampton Roads Publishing

By arrangement with Hampton Roads Publishing Company, Inc., Charlottesville, VA 22906,
USA

Публикуется по согласованию с издательством «Хэмптон Роудз Паблшинг Компани»,
США и литературным агентством Эндрю Нюрнберг

Перевод с английского Ольги Турухиной

© Noriyuki Ueda, 2013

© Перевод на русский язык. О.Турухина, 2013

© Фото на обложке, И. Янчеглов

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Ориенталия», 2014

От редактора американского издания

Мы позволили себе отредактировать перевод текста японского издания, исходя из наших представлений о том, какие темы наиболее интересны и познавательны для западных читателей.

Введение

На пути в Дхарамсалу

Я впервые услышал лекцию Далай-ламы на международной конференции в Бангалоре, Индия, когда мне был тридцать один год. Это было осенью 1989 г. Тогда я и представить себе не мог, что сам буду брать интервью у этого великого человека, выступавшего в тот день со сцены. Я думал, что Далай-лама должен быть очень серьёзным, и поэтому был поражён тем, насколько живым, открытым, честным и прямолинейным человеком он оказался на самом деле. Через месяц после того выступления он получил Нобелевскую премию мира. Я чувствовал, что он указывает миру дорогу в верном направлении.

Для моего поколения и более молодых людей Далай-лама является выдающимся духовным лидером современности. С неизменной улыбкой он говорит о любви, сострадании, мире и духовном пробуждении, которого может достичь каждый. После получения Нобелевской премии Далай-лама стал примером для подражания для людей всего мира. Сегодня многие страны приглашают его как лидера, проповедующего ненасилие, и посланника мира. Он часто вступает в диалог с самыми влиятельными политическими и религиозными фигурами планеты, а также с известными артистами и учёными.

Но мало кто знает о том, насколько нелёгкой была жизнь самого Далай-ламы. Весной 1959 г. китайские коммунисты вторглись в Тибет, в результате чего погибло множество тибетцев. Столица Тибета, Лхаса, была оккупирована китайцами, и двадцатитрёхлетнему Далай-ламе ничего не оставалось, как бежать в Индию в поисках политического убежища. Всё это произошло, когда я был ещё младенцем. На моей памяти Далай-лама всегда жил в изгнании в Индии. Уже более полувека он не может вернуться в Тибет. В качестве лидера тибетского правительства в изгнании он призывал китайские власти восстановить автономию Тибета и до сих пор пытается привлечь внимание мирового сообщества к этой проблеме.

Известно, что с момента вторжения китайских войск миллионы тибетцев лишились жизни. Во времена культурной революции были уничтожены многие буддийские монастыри, а вследствие политики стимулирования массовой миграции, проводимой китайским правительством, тибетцы стали меньшинством на своей родной земле. Сегодня в Тибете всё ещё нет свободы слова, кроме того, оттуда постоянно приходят известия о нарушениях прав человека: о незаконных арестах и пытках. Не так давно в интернете публиковались шокирующие фотографии, на которых китайские солдаты расстреливали беззащитных тибетцев, пытавшихся пересечь границу между Китаем и Непалом, и этот инцидент подвергся критике мирового сообщества.

Далай-лама, завоевавший сердца многих людей со всех уголков земного шара, посланник любви, сострадания и мира, является главой правительства в изгнании страны, более миллиона жителей которой были убиты в ходе агрессивного вторжения соседней супердержавы ¹ и в которой по сей день творятся злодеяния. И всё же, невзирая на всё это, он остаётся лидером, проповедующим любовь и сострадание.

Впервые вживую увидев Далай-ламу в Индии семнадцать лет назад, я долгое время не имел возможности встретиться с ним вновь. Затем в 2004 году на международной конференции в Нью-Дели, а потом и в 2005 году, когда я был приглашён преподавать в Стэнфордском университете, мне посчастливилось присутствовать на его выступлениях, которые поразили меня до глубины души. Он излучал такую энергию, которую не могут передать никакие

¹ В марте 2011 г. Далай-лама сложил с себя полномочия главы тибетского правительства в изгнании и в августе того же года передал политическую власть демократически избранному лидеру Лобсангу Сенге. – *Прим. пер.*

книги. Его добрая, обезоруживающая улыбка сияла могущественным светом. Далай-лама не хотел, чтобы его речи воспринимали лишь как безжизненные проповеди о благодарности. Он производил впечатление религиозного лидера, совершенно чётко отдающего себе отчёт, что он призывает мир к реальным действиям.

За месяц до этого интервью, в одной токийской гостинице, где я должен был выступать с речью, мне выпала возможность попросить Далай-ламу о встрече. «Я уверен, что буддизму отведена большая роль в современном мире, – сказал я. – И я жду не дождусь, когда он сможет её сыграть, потому что сами буддисты, похоже, этого не осознают».

«Это так. Монахи не знают ничего, кроме буддизма. И, по правде говоря, его они тоже не очень хорошо знают. Они не знают того, чем занимаются, – в Тибете многие монахи также посвящают своё время исключительно ритуалам», – ответил Далай-лама, смеясь.

Мы ещё немного поговорили, и я нерешительно задал вопрос, который был у меня на уме всё это время. «Могу я взять у Вас интервью? Пожалуйста, позвольте мне навестить Вас в Дхарамсале». «Конечно, – мгновенно отозвался Далай-лама. – Вы можете приехать в Дхарамсалу, когда вам удобно».

С тех пор в своих мыслях я ни на миг не расставался с Далай-ламой.

Я хочу сделать так, чтобы в мире не было войн. Я хочу положить конец унижению тех, кто не может за себя постоять. Я хочу, чтобы все люди были счастливы и жили в мире. Эти идеи завораживали меня с самого детства – я был практически одержим ими, и мне показалось, что на этот раз, встретившись лицом к лицу с Далай-ламой, я смогу найти какое-то решение. Но я и представить себе не мог, какая великая радость ждала меня впереди.

Нориюки Уэда

Глава 1

Что может предложить буддизм?

Нориюки Уэда: Ваше Святейшество, я очень рад, что мне выпала возможность беседовать с Вами. Это исполнение моей мечты.

Далай-лама: Я тоже с нетерпением ждал вашего визита.

Уэда: Для начала я хотел бы сказать несколько слов о себе и объяснить, почему я здесь. В настоящее время я преподаю культурную антропологию и теорию социальных реформ в Токийском технологическом институте, который является ведущим научным университетом Японии. Цель моих исследований, напрямую затрагивающая мои интересы и мою систему ценностей, состоит в том, чтобы подготовить почву для появления лидеров нового типа, которые будут обладать обширными гуманитарными и техническими знаниями и сумеют справиться с проблемами, встающими перед нами в двадцать первом веке. Обучение таких лидеров подразумевает не только передачу знаний – особое значение в нём будет иметь ведение дискуссий.

Кроме того, в надежде вдохнуть новую жизнь в японское общество, я поддерживаю так называемое возрождение японского буддизма. Четыре года назад я основал Школу буддийского ренессанса, которая должна стать местом для диалога и обучения, и сейчас я выступаю в роли директора этой школы. Я также председательствую на форуме «Монах, будь амбициозен!», который создал, чтобы вести диалог, дебаты и дискуссии о направлении развития японского буддизма с молодыми монахами всех школ.

Я чувствую, что в моей текущей деятельности воплощаются идеалы моего детства. Сколько я себя помню – примерно с десяти лет – меня занимали вопросы о том, почему в мире существуют предрассудки, почему так много людей умирают от голода и почему люди должны убивать друг друга в войнах. Когда в юности я размышлял обо всём насилии и всех предрассудках, которые существуют в мире, я ощущал своё бессилие. Будучи всего лишь одним человеческим существом из миллиардов людей, населяющих землю, я не мог ничего поделать. Теперь мне кажется странным, что я чувствовал себя таким беспомощным в столь раннем возрасте. Я был странным ребёнком, интересовавшимся общественными и политическими проблемами, и в то же время считавшим, что он не имеет возможности что-либо изменить.

Поступив в университет, я присоединился к движению, помогающему политическим заключённым, и стал активистом движения за права человека и движения за мир. Однако мой опыт того времени был одновременно шокирующим и тягостным. Люди, которые вместе боролись за мир во всём мире, не могли поладить между собой. Они сражались друг с другом из-за того, что по-разному определяли слово «мир». В основном все эти люди хотели одного и того же: установить мир на планете и поддержать тех, кто не мог себя защитить, и тем не менее они спорили из-за небольших отличий в своих определениях слова «мир», причиняя друг другу настоящую боль. Я решил, что ситуация безнадежна и что мира на земле никогда не будет.

Далай-лама: Как же определяли «мир» ваши соратники?

Уэда: В то время я принадлежал к группе левых активистов, и мы представляли себе мир не просто как отсутствие войны. Мы определяли мир как абсолютное равенство всех

людей. Мы хотели полностью уничтожить несправедливость и предрассудки. Позже я начал понимать, что такое определение говорит не о пассивном мире, при котором больше не существует явного насилия войны, а об активном мире, при котором также отсутствует структурное насилие предрассудков и бедности.

Далай-лама: Понимаю.

Уэда: Но хотя все мы были согласны с тем, что мир – это помощь людям, которых неспособно защитить общество, если мои коллеги находили малейшие отличия между своими определениями, они начинали спорить и враждовать.

Я почувствовал, что во всех этих конфликтах что-то не так. Я осознал, что помимо мира как социального и политического равенства существует также внутренний мир. Даже если я выступаю за мир, даже если мои действия призваны нести мир, если я не ощущаю мира внутри себя, ничего хорошего у меня не выйдет. Если в моём сердце нет мира, я лишь наживу себе врагов и буду постоянно конфликтовать с другими людьми. Тогда я задался главным вопросом своей жизни: как одновременно достичь внешнего и внутреннего мира?

Теперь мне это кажется странным, но в то время, размышляя о внутреннем и внешнем мире, я ни разу не вспомнил о буддизме. Хотя я два года вёл полевые исследования в Шри-Ланке, которая является буддийской страной, я чувствовал, что японский буддизм не только совершенно бесполезен, но и насквозь фальшив.

Далай-лама: Эксплуатация.

Уэда: Да. Буддийские монахи проповедуют сострадание, но сами его не практикуют. Они говорят о сострадании и доброте, но даже не замечают тех, кто на самом деле страдает или подвергается гонениям, а если и замечают, никак не пытаются им помочь. Они проповедуют буддийские учения, но...

Далай-лама: Не переходят от слов к делу.

Уэда: Вот именно. Они просто раз за разом повторяют старые ритуалы и получают за это деньги. Они считают, что монах – это просто профессия, так что их сложно назвать подлинно религиозными людьми. Таким было моё мнение о монахах, когда мне было двадцать лет.

И так думал не только я один. Сегодня в Японии подобное видение буддизма очень распространено. Я чувствую, что буддийский образ мыслей верен, проблема же заключается в храмах и монахах. Часто для критики японского буддизма используется выражение «похоронный буддизм», которое означает, что монахи занимаются только тем, что проводят похоронные церемонии и ритуалы почитания предков. В основном эти ритуалы не имеют никакой ценности и не являются подлинно религиозными, однако некоторые монахи требуют за их проведение баснословные суммы денег. Храмы собирают с фермеров деньги, которые монахи присваивают себе и, особо себя не утруждая, обогащаются.

Должен признать, что оценка эта является несколько предвзятой. Хотя есть много богатых храмов, немало и бедных – часто монахам-старейшинам таких храмов приходится искать вторую работу, чтобы свести концы с концами. Есть много прекрасных монахов с чистым сердцем. Однако бесполезные монахи, которых так много, заслуживают подобного осуждения.

Я верю в потенциал буддизма, поскольку за прошедшие десять лет встретил множество замечательных монахов и побывал в чудесных храмах. Эти монахи борются со страданиями, существующими в современном мире. Монахи прикладывают огромные усилия, чтобы снизить количество самоубийств в Японии – сейчас там ежегодно добровольно уходят из жизни тридцать тысяч человек. Монахи участвуют в уходе за пациентами хосписов, страдающими

от неизлечимых болезней. Монахи работают с пожилыми людьми, помогая им в последние годы жизни и в момент наступления смерти. Некоторые монахи также открыли свои храмы для молодых людей, потерявших надежду, они берут под своё крыло малолетних правонарушителей и создают для них группы поддержки. Они работают не только в Японии – некоторые монахи помогают детям, заболевшим лейкемией в результате аварии на Чернобыльской АЭС (эта трагедия так волнует японцев, потому что вызывает в их памяти воспоминания об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки), брошенным на произвол судьбы жителям Таиланда, больным СПИДом, а также занимаются образованием детей-беженцев. Кроме того, есть монахи, которые не занимаются подобной общественной деятельностью, но принимают участие в беседах, диалогах и публичных событиях, проходящих в разных уголках планеты, и их искренность и личные качества оказывают влияние на многих людей. Такие монахи не только проповедуют сострадание, но и проявляют его через свои действия; все вместе они образуют живое ядро глобального сообщества. Их храмы объединяют людей и предлагают поддержку каждому, кто в ней нуждается.

И всё же буддийские сообщества не всегда по достоинству ценят этих глубоко сострадательных монахов. Некоторые считают, что они «всего лишь» занимаются общественной деятельностью, в то время как с точки зрения сообществ, к которым они принадлежат, они должны активно участвовать в более «религиозных» практиках. Но при встрече с этими сострадательными монахами становится ясно, что они вовсе не пренебрегают своей религиозностью. Напротив, в силу глубины своей религиозности они не могут отвергнуть тех, кто страдает. Их деятельность, которая может показаться новаторской, мотивирована верой в потенциал буддизма.

В этом интервью с Вашим Святейшеством я хотел бы поговорить о том, как учения буддизма могут использоваться для решения насущных проблем человечества. Мне кажется, что между учением буддизма и подлинной социальной трансформацией не хватает какого-то связующего звена, и я хочу заполнить этот пробел.

Я также хотел бы обсудить саму возможность создания альтруистического общества, в котором люди бы заботились друг о друге и помогали друг другу.

Далай-лама: Ваше вступление показалось мне очень интересным. Левые или социалистические идеи мне очень близки. Проблему, о которой вы говорите, не так просто решить. От неё страдает не только Япония, но и весь мир.

С точки зрения социализма нам следует подумать, какие практические действия должны быть предприняты для решения этой проблемы. Сегодня существуют два вида социалистических систем. Первые высоко ценят свободу и демократию – это социал-демократические системы Швеции и некоторых других европейских стран. Ко второму типу относятся такие страны, как бывший Советский Союз и Китай. Вообще-то, китайская система уже не является социалистической. *(Смеётся.)* Может быть, социализм ещё существует в Северной Корее. Нет, это тоже уже не социализм. *(Смеётся.)*

Уэда: Сегодня уже никто не назовёт это социализмом.

Далай-лама: Такие социалистические системы безнадёжны. Я думаю, что социал-демократические страны Европы на верном пути. Это не чистый капитализм, но люди имеют возможность зарабатывать деньги, получать прибыль. В то же время они уделяют большое внимание социальным пособиям и социальному обеспечению.

Альтруистическое общество

Уэда: Вы часто говорите о создании альтруистического общества, в котором бы царили сострадание и доброта, и я согласен с тем, что построение такого общества станет главной целью человечества в двадцать первом веке. Мне кажется, что только альтруистическое общество позволит нам обрести внутренний мир. Если я, находясь в окружении альтруистически настроенных людей, попаду в беду, я могу быть уверен, что эти люди с радостью мне помогут. Если же с трудностями столкнутся мои друзья, я с радостью помогу им. Если в обществе будет царить доброта, тревоги и страхи исчезнут.

„Я думаю, что социал-демократические страны Европы на верном пути. Это не чистый капитализм, но люди имеют возможность зарабатывать деньги, получать прибыль. В то же время они уделяют большое внимание социальным пособиям и социальному обеспечению.“

Далай-лама: Вы абсолютно правы.

Уэда: Но, как я уже говорил, мы живём в мире, которым по большей части правит эгоизм. И деньги. Если вы субъект свободной рыночной экономики, вы должны идти туда, где удастся заработать больше всего. Не делайте ту работу, которая приносит небольшой доход, и изо всех сил старайтесь найти место, где можно максимально обогатиться. Если работа приносит большие деньги, это хорошая работа, если же работа не приносит больших денег, она плохая. Согласно этой логике, если сравнить двух людей: того, кто помогает незащищённым членам общества, например пожилым людям, и того, кто торгует на бирже или работает с венчурным капиталом, зарабатывая в десять раз больше первого, второй человек считается более успешным и является образцом для подражания.

С точки зрения рыночной экономики я просто товар, и меня поощряют продавать себя как можно дороже. Поскольку конкуренция свободного рынка определяет, смогу ли я продать себя по высокой цене, если мой доход невелик, таков исход конкурентной борьбы, и ответственность за это лежит только на мне. Так что, с какими бы трудностями мне ни пришлось столкнуться, мне никто не поможет. Мне скажут, что я просто недостаточно старался. Поэтому всем людям приходится изо всех сил защищать себя. Если я попаду в беду, никто не придёт мне на помощь. Таким образом, мы начинаем цепляться за собственные эгоистические интересы.

Многим людям не по душе эгоцентрическое мировоззрение. Родители хотят, чтобы их дети выросли добрыми. Проблема в том, что, даже если я альтруистически настроенный, добрый человек, окружающие меня эгоистичные друзья, коллеги и общество просто съедят меня с потрохами. В итоге я стану жертвой общества, и другие люди будут использовать меня в своих интересах. Если же всё общество станет альтруистическим, я легко смогу быть альтруистом. Однако если окружающее меня общество эгоистично, мне придётся нелегко. Как мы можем преодолеть эти ограничения и создать альтруистическое общество, а также сами стать альтруистами, сострадательными людьми?

Далай-лама: Это важный вопрос. Создание сострадательного общества и сострадательного человечества – моя основная цель. Нам нужно более сострадательное общество, так как люди – это социальные животные. Жизнь отдельного человека полностью зависит от общества. Если общество станет счастливым и процветающим, отдельные люди от этого выиграют больше всего. Это закон природы. Поэтому во всех странах, даже если люди обма-

нывают друг друга и жульничают, даже если между ними нет подлинной дружбы, они всё равно предпочитают жить вместе. Именно поэтому существуют большие города.

„Нам нужно более сострадательное общество, так как люди – это социальные животные. Жизнь отдельного человека полностью зависит от общества. Если общество станет счастливым и процветающим, отдельные люди от этого выиграют больше всего. Это закон природы.“

Где бы ни жили люди, их жизнь становится легче, если они живут вместе, поэтому мы создаём деревни, города и мегаполисы. Такова наша природа. Интересы и выживание отдельных людей зависят от сообществ, в которые они входят. Мне кажется, что в так называемых неразвитых регионах люди ближе к этой фундаментальной человеческой природе, чем те, кто живёт в больших городах. К примеру, кочевники или крестьяне, живущие в деревнях здесь, в Индии, могут сильнее ощущать свою общность. Думаю, что и в Соединённых Штатах существуют большие отличия между теми, кто живёт в городе, и теми, кто живёт в деревне. Наверное, и в Японии это так. Вероятно, между фермерами, живущими в деревне, и людьми, живущими в городе, есть существенные различия с точки зрения их ощущения принадлежности к местному сообществу. Вам так не кажется?

Уэда: Это верно. В Японии люди, живущие в деревне, также сильнее ощущают свою принадлежность к местному сообществу, чем те, кто живёт в городе. Модернизация в Японии идёт семимильными шагами, и всё же в сельскохозяйственных и рыбацких деревнях люди до сих пор сохраняют сильное чувство принадлежности своему сообществу.

Далай-лама: Тогда встаёт вопрос, почему существует это отличие. В менее развитых районах взаимопомощь играет большую роль. Люди помогают друг другу. Взаимопомощь и ощущение принадлежности к местному сообществу сильнее. Например, если кто-то умирает, все люди собираются вместе, чтобы разделить горе утраты. Если мы живём в обществе, где взаимопомощь является необходимостью, мы сильнее осознаём себя членами общества.

„Если мы живём в обществе, где взаимопомощь является необходимостью, мы сильнее осознаём себя членами общества.“

В больших городах все работают в офисах или на заводах и получают свою зарплату. Там люди ощущают свою независимость сильнее, чем те, кто живёт в обществе, где взаимопомощь играет большую роль. У таких людей создается ложное впечатление, будто они работают независимо от других, чтобы прокормить себя, будто они сами зарабатывают свои деньги, и поэтому нет нужды полагаться на других. В этом случае даже дружба между людьми превращается в набор социальных поводов и встреч, в ходе которых они просто улыбаются друг другу, здороваются – и всё. Все до глубины души верят в свою полную независимость, но это неверное, обманчивое впечатление. Это заблуждение заставляет нас отступить от фундаментальной природы человека как социального животного.

„Мы заблуждаемся, полагая, что деньги – это основа человеческой жизни.“

Самое главное

Далай-лама: Таким образом, мы теряем из виду основополагающие человеческие ценности. Жизнь вертится исключительно вокруг денег. Мы заблуждаемся, полагая, что деньги – это основа человеческой жизни. Человек получает денежные ресурсы благодаря приобретённым навыкам и развитым способностям, однако у него нет альтруистической мотивации. Мы начинаем верить, что источник счастья – это деньги, а не доброта и альтруизм. Не существует такой системы, в которой подлинно сострадательный человек зарабатывал бы больше, чем жестокий человек. Её нет. *(Смеётся.)*

Уэда: Всё наоборот.

Далай-лама: Наше общество убеждает нас в том, что наши жизни зависят лишь от денег, и деньги становятся самым главным. Это ошибочное воззрение также формирует политику в области образования, делая акцент не на доброте, а на идее, что самое главное – заработать как можно больше денег. Мы заблуждаемся, полагая, что если у нас много денег, нам не нужны ни сострадательные друзья, ни сострадательное общество. Я думаю, что подобные убеждения рождаются из отсутствия понимания глубинной человеческой природы. Как вы сказали, когда человек сталкивается с личной проблемой, такой как беспокойство или отсутствие счастья в жизни, деньги не могут его спасти. Его могут утешить, успокоить и сделать счастливым лишь любовь и сострадание. Если вы оказались в отчаянной ситуации, деньги вас не утешат. Только сочувствие и участие, проявленные другим человеком, смогут принести вам облегчение и утешение.

„Мы ошибаемся, считая, что если у нас много денег, нам не нужны ни сострадательные друзья, ни сострадательное общество. Я думаю, что подобные убеждения рождаются из отсутствия понимания глубинной человеческой природы...“

Уэда: Говоря о людях как о социальных животных, невозможно не вспомнить Аристотеля. Это сама суть человеческого существования, и всё же мы в какой-то момент поверили, что общество построено не на связях между людьми, а на деньгах. Это ошибочное мнение основано на иллюзии, что всё покупается за деньги. Но, как Вы сказали, очевидно, что доброту и любовь невозможно купить. Откуда у людей это фундаментальное заблуждение?

Если вы оказались в отчаянной ситуации, деньги вас не утешат. Только сочувствие и участие, проявленные другим человеком, смогут принести вам облегчение и утешение...

Любовь намного сильнее и полезнее денег.“

Далай-лама: По своей биологической сути люди являются млекопитающими. Но мы также наделены изощрённым умом, который иногда создаёт ложные представления и надежды, толкающие нас к неправильным действиям.

Поскольку ум других животных не так сложен, они гораздо меньше подвержены подобным ошибочным воззрениям. Например, когда собака сильно больна, вы можете положить перед ней кусок мяса, но, мне кажется, она этого не оценит. Когда собака грустит – даже тощая собака, которая постоянно недоедает – она почувствует себя лучше, если её полизает другое животное. Это будет эффективнее, чем еда.

Подобным образом мы, люди, на глубинном уровне являемся животными, у нас те же физические нужды, что и у животных. Даже миллиардер может испытывать горе, печаль, одиночество. В такой момент даже миллионы долларов не смогут согреть его. Но если кто-

то отнесётся к нему с любовью и разделит его одиночество и скорбь в момент, когда он столкнулся с эмоциональными проблемами, это ему по-настоящему поможет. Это говорит о ценности любви. Она намного сильнее и полезнее денег. Когда нас охватывает ложное чувство уверенности в себе, мы этого не осознаём. Нам кажется, что у нас всё хорошо и нет никаких проблем. Мы думаем: «Я здоров. У меня нет никаких серьёзных проблем. Я миллионер. У меня куча денег, и я могу попросить людей сделать всё, чего мне захочется. Я могу купить всё, что пожелаю. Сила моих денег даже позволяет мне запугивать людей». Но когда такой человек сталкивается с настоящими проблемами на эмоциональном уровне, он понимает, что зря так надеялся на деньги. Они не способны успокоить ум. Он осознаёт, что его вера в деньги была пустой. Такова реальность.

Уэда: Я заметил, что большинству людей, которые пришли к этому пониманию, пришлось пережить много страданий: оказаться на пороге смерти в результате тяжёлого заболевания или потерпеть неудачу в бизнесе и потерять все деньги. Именно в такие моменты люди признают, что были слишком самонадеянными, что испытывали тревогу, даже находясь на вершине власти, что ничего не знали о жизни и мире. Подобный опыт подводит нас к краю пропасти и учит новому способу жить, поэтому мы часто испытываем благодарность за страдания, с которыми нам пришлось столкнуться.

Такая признательность собственному несчастью или неудаче может показаться странной, но они ведут нас к великой истине. Ценность любви и доброты, которую мы обнаруживаем во время тяжёлых испытаний, настолько велика, что она стоит той цены, которую нам пришлось заплатить. Как Вы сказали, такова сущность человеческого существования, скрывающаяся в глубинах нашей животной природы.

Биологические нужды

Далай-лама: Верно. И самое главное: поскольку мы являемся социальными животными, то, что на самом деле связывает нас в обществе, это не законы, а любовь и доброта. Законы и правила не могут обязать нас жить вместе. Мы живём вместе потому, что естественным образом испытываем любовь друг к другу. Любовь – очень сильный социальный клей.

Это так, потому что мы по своей природе являемся социальными животными. Я всегда говорю, что биологические факторы играют важнейшую роль. Для новорождённого ребёнка очень важна любовь матери. Младенец полностью полагается на свою мать, от неё зависит его выживание. Как же возникают любовь и доброта? Не в силу религии, образования или закона, а в силу биологических факторов. Любовь нужна нам для выживания. Любовь соединяет нас и создаёт сообщества. Любовь возникает не из соблюдения законов, религии, образования или денег, а из нашей биологической природы как человеческих существ.

„То, что на самом деле связывает нас в обществе, это не законы, а любовь и доброта. Законы и правила не могут обязать нас жить вместе. Мы живём вместе потому, что естественным образом испытываем любовь друг к другу.“

Поэтому, даже если мы кажемся себе самодостаточными и независимыми, глубоко внутри мы остаёмся человеческими существами, которые нуждаются в любви. Мы не можем разорвать связь с этими человеческими ценностями. Подлинное образование через исследование и анализ поможет убедиться в том, что любовь необходима нам для выживания. Даже обычные люди, не обладающие особыми познаниями, могут проверить эту истину на собственном опыте.

Уэда: Я согласен с Вами в том, что источник любви и доброты – это биологический фактор, общий для всех людей. Вообще меня удивляет, что Вы до сих пор не заговорили о буддизме. Мой опыт говорит: о чём бы вы ни спросили буддиста, он либо ответит, что Будда сказал то-то и то-то, либо сошлётся на учения великого мастера – в общем, начнёт свою проповедь. Но Вы ни разу не сказали, что сострадание, любовь и доброта важны, потому что им учит буддизм. Напротив, эти вещи первичны по отношению к религии и истинны не по какой-то религиозной причине, а потому, что являются биологическими факторами. Меня поразило то, как Вы об этом рассуждали.

Если мы и дальше будем развивать эту тему, нам придётся завести речь о буддизме и буддийских монахах, и мы отклонимся от курса. Так что, надеюсь, об этом мы сможем поговорить потом. Сейчас же я просто хотел выразить своё удивление.

Развитие сострадания

Далай-лама: Давайте вернёмся к исходному вопросу о том, как создать альтруистическое общество в современном мире. Вы озабочены состоянием японского общества, поэтому давайте поговорим о японском обществе. Японские лидеры и жители Японии в целом хорошо образованы и довольно состоятельны. Естественно, что в такой ситуации они не склонны думать о важности глубинных человеческих ценностей.

Ответственность за образование молодых людей лежит на школах, но они не слишком стараются развивать эти ценности. От детского сада до университета основное внимание уделяется интеллектуальным аспектам. При этом система образования практически игнорирует глубинные ценности. Считается, что развитие этих ценностей – забота религии, но религия сейчас настолько занята зарабатыванием денег, что от неё остался один фасад.

Будда говорил о важности сострадания, но хотя монахи и знакомятся с его учениями, они не придают значения своему поведению. Они останавливаются на интеллектуальном уровне и в действительности не практикуют того, что изучают. Я чувствую, что современная система образования не уделяет необходимого внимания состраданию. Пришло время трансформировать всю эту систему. Общество формируется своей системой обучения, но, как вы верно заметили, эта система не говорит о глубинных человеческих ценностях сострадания и доброты. Поэтому всё общество верит в ложные идеалы, и наша жизнь теряет свою глубину – мы живём, как роботы, которым не нужно человеческое тепло. Мы становимся частью этой игры. Мы уподобляемся машинам. Это происходит оттого, что основой современного общества являются деньги. Общество, фундаментом которого являются деньги, агрессивно, и те, у кого есть власть, могут запугивать остальных и жестоко обращаться с ними. Из-за этого в обществе нарастает напряжение. Проблемы общества, зависящего от денег, отражают его убеждения.

На самом деле любовь и сострадание не связаны с деньгами напрямую. Они не способны приносить деньги. Поэтому в обществе, главным приоритетом которого являются деньги, люди больше не воспринимают эти ценности всерьёз. Как вы недавно заметили, люди, наделённые властью, например, политики, рождаются в обществе, зависящем от денег, поэтому они естественным образом принимают такой образ мыслей и ведут общество дальше в том же направлении. В таком обществе к людям, для которых главными ценностями являются любовь и сострадание, относятся как к глупцам, а те, чья главная цель – заработать денег, становятся всё заносчивей.

Вера и развитие общества

Уэда: В обществе, где царят любовь и доброта, даже материально необеспеченные люди могут быть счастливы. Я два года прожил на Шри-Ланке и много раз был в Таиланде. Хотя на Шри-Ланке много бедных деревень, люди помогают друг другу, участвуют в жизни друг друга, и я видел много примеров того, как счастливо они живут, несмотря на бедность.

Прошлый год я провёл в Стэнфордском университете в Калифорнии, в сердце Кремниевой долины, где живёт множество состоятельных людей. Но, несмотря на своё очевидное богатство, они не кажутся счастливыми. Многие из них страдают от стресса и тревожных состояний. Возможно, сегодня у них много денег, но их пугает завтрашний день – они боятся, что могут разориться, их дни расписаны по минутам, и поэтому им приходится иметь дело со стрессом и чувством неудовлетворённости. Такая реальность ставит меня перед неприятными вопросами.

Материальное благополучие не обязательно является источником истинного счастья. С другой стороны, хотя способность быть счастливым в бедности сама по себе хороша, у бедных стран также существует немало проблем.

„Общество, фундаментом которого являются деньги, агрессивно, и те, у кого есть власть, могут запугивать остальных и жестоко обращаться с ними... Проблемы общества, зависящего от денег, отражают его убеждения.“

В макромасштабе мы должны преодолеть разрыв между богатыми и бедными. Похоже, что те буддисты, чья вера глубока, счастливы в своих сообществах, но в остальном мире разрыв продолжает увеличиваться. Люди, исполненные любви и доброты, не поглощённые жадной материальных благ, становятся беднее, а те, кто испытывает постоянную неудовлетворенность и слепо стремится к эгоистическим целям, богатеют. Что Вы об этом думаете?

Далай-лама: Это другой фактор. То, что я сейчас скажу, не подкреплено никакими серьёзными исследованиями – я просто сам пришёл к такому выводу. Когда я оглядываюсь назад, на человеческую историю, у меня создаётся впечатление, что примерно тысячу лет назад жизнь в европейских странах была очень тяжёлой... В странах с тёплым климатом, в Африке, Индии, Китае и других государствах Азии... фрукты и овощи были доступны круглый год. Но в северных европейских странах зимой выпадал снег, и поэтому урожай можно было собирать лишь летом, что делало жизнь крайне тяжёлой.

„В таком обществе к людям, для которых главными ценностями являются любовь и сострадание, относятся как к глупцам, а те, чья главная цель – заработать денег, становятся всё заносчивей.“

Возможно, северные страны в древности были в лучшем положении, но их население постепенно росло даже на небольших территориях, например в Англии, и условия жизни постоянно ухудшались. Поэтому им пришлось задуматься о том, как получить больше еды из других земель. Например, Англии, маленькому островному государству, приходилось доставлять еду на судах из других мест. Чтобы получать ресурсы других стран, требовалось оружие. Население тёплых азиатских стран было сравнительно небольшим, и, благодаря их тёплому климату, еда была доступна круглый год. Поэтому им не требовалось добывать ресурсы в других странах.

Европейцы жили в сложных климатических условиях, и поэтому были вынуждены разрабатывать технологии. Чтобы выжить, им пришлось прибегнуть к индустриализации и использованию технологий. Такие страны, как Португалия, Англия, Франция и Бельгия,

стали колониальными державами. Эти маленькие страны прошли через индустриализацию, начали добывать сырьё в других странах, использовать его для производства продуктов и продавать эти продукты обратно в менее развитые страны.

Азиатским народам до определённого момента не приходилось беспокоиться о еде, поэтому они жили относительно мирно. Но потом пришли империалисты, азиатские страны были колонизированы, и это стало препятствием для их дальнейшего развития. В конце концов часть населения Азии получила образование западного образца, приняло западный образ мысли и позаимствовало западные технологии, что дало начало торговле с западными странами. Прежде в азиатских странах существовал местный бизнес, но европейская колонизация позволила расширить его до международного уровня. Часть населения азиатских стран позаимствовала западный способ ведения бизнеса и обогатилась, те же, кто продолжал традиционный образ жизни, остались бедными. В масштабе планеты уровень жизни в индустриальных государствах поднялся гораздо выше, чем в эксплуатируемых странах, и эти государства обрели большую экономическую мощь. В эксплуатируемых странах отдельные люди, получившие шанс перенять западный образ жизни, разбогатели, в то время как крестьяне и жители деревень, продолжавшие жить так же, как жили их предки тысячи лет назад, оставались бедными.

Уэда: Мне кажется особенно интересным один момент: то, что Вы используете слово «эксплуатация». Вы повторяете его уже второй раз, и меня это удивляет, поскольку это левацкий, марксистский термин.

Далай-лама: Это правда. Я и сам эксплуататор. Я занимаю высокое положение среди монахов, я – большой лама. Если я не буду практиковать самоограничение, то, возможно, стану эксплуатировать других.

„Я не просто социалист, я отчасти левак, коммунист. Мне близка экономическая теория марксизма. Думаю, я гораздо левее китайских лидеров.“

Во время моей первой поездки в Монголию встречавшие меня люди запланировали посещение различных учреждений и музея. В этом музее я увидел рисунок, на котором был изображён лама с огромным ртом, пожиравший людей. Это было в 1979 году, когда Монголия всё ещё оставалась коммунистической страной. Коммунисты говорили, что религия – это наркотик, а все религиозные институты эксплуатируют людей. Монахи и те были эксплуататорами. Даже пожертвования, которые распределялись внутри монастырских сообществ, считались формой эксплуатации.

Когда я подошёл к месту, где находился этот рисунок, сопровождавшие меня официальные лица занервничали. Я внимательно рассмотрел его и сказал: «Всё так». Конечно, я с этим согласен. Я не просто социалист, я отчасти левак, коммунист. Мне близка экономическая теория марксизма. Думаю, я гораздо левее китайских лидеров. *(Разражается смехом.)* Они-то – капиталисты. *(Смеётся.)*

„Я занимаю высокое положение среди монахов, я – большой лама. Если я не буду практиковать самоограничение, то, возможно, стану эксплуатировать других.“

Уэда: Это правда. (Смеётся.)

Глава 2

Сострадательный гнев

Уэда: В мире, в котором мы живём, существует эксплуатация и огромная пропасть между богатыми и бедными. Я хотел бы узнать, как с точки зрения буддизма следует бороться с неравенством и социальной несправедливостью? Противоречит ли буддизму чувство гнева и возмущения, которое вызывает такое состояние дел?

Далай-лама: Это интересный вопрос. Давайте сначала рассмотрим ситуацию со светской точки зрения. Как я уже говорил, нужны более серьёзные дискуссии и исследования, которые позволят определить, адекватна ли существующая система образования, помогает ли она оздоровлению общества.

Некоторые американские учёные, с которыми я знаком лично, всерьёз озабочены социальными проблемами. Мы много лет ведём дискуссии о ценности сострадания, и некоторые из этих учёных проводили эксперименты с участием студентов университетов. В течение двух или трёх недель студенты практиковали формальную медитацию внимательности, после чего учёные выясняли, какие изменения произошли за это время с испытуемыми. Они установили, что в результате практики студенты стали более спокойными, их интеллектуальные способности обострились, уровень стресса снизился, а память улучшилась.

В Университете Британской Колумбии в Канаде был создан институт, исследующий возможности развития доброты и дружелюбия у студентов в рамках современной системы образования. По меньшей мере четыре или пять университетов в Соединённых Штатах признали, что современное образование с этой точки зрения неполноценно. Теперь наконец начались исследования этой проблемы, которые призваны помочь найти способ усовершенствовать систему.

Если движение за улучшение образования и смещение акцентов в сторону этики не примет международный масштаб, изменения займут очень много времени и будут происходить с большим трудом. Конечно, подобная опасность существует и в России, и в Китае, и даже в Индии. Индия, возможно, находится в более выгодном положении благодаря своим традиционным духовным ценностям, даже если индийцы не задумываются об этом вопросе на уровне логики и интеллекта. Япония прошла модернизацию, а значит, и вестернизацию, поэтому проблемы западного общества проявляются и в Японии. Традиционные ценности и семейные ценности пострадали от перехода к современной системе образования. На Западе снизилось влияние церкви, она перестала, как прежде, поддерживать семью, и обществу пришлось иметь дело с последствиями этого явления. В Японии также ослабло влияние религиозных институтов, и от этого пострадала семья.

Теперь давайте поговорим о том, какую роль могут сыграть религиозные люди в решении проблем общества. Все религиозные институты имеют общие основополагающие ценности: сострадание, любовь, прощение, терпимость. Но способы описания и развития этих ценностей в разных религиях отличаются. Подход религий, принимающих существование Бога, отличается от подхода религий, в которых нет Бога-Творца, например от буддийского подхода. Человек, который сейчас занимает пост Папы Римского, очень искушён в вопросах богословия и, даже будучи религиозным лидером, подчёркивает, что вера должна сосуществовать со здравым смыслом. Религия, основанная исключительно на вере, может превратиться в мистицизм, в то время как здравый смысл обеспечивает основание для веры и делает её полезной в повседневной жизни. В буддизме вера и здравый смысл должны идти

рука об руку – с самого начала. Без здравого смысла вера может быть только слепой, и Будда не принимал такой веры. Наша вера должна основываться на учениях Будды.

Первым учением, данным Буддой, было учение о Четырёх благородных истинах, образующих основание буддийской доктрины, согласно которой все вещи подчиняются закону причинно-следственных связей. Будда отверг идею существования Творца всего сущего. Буддизм начинается с логического вывода о том, что всё, в том числе страдание, имеет определённые причины. Так что буддизм рационален по своей сути, особенно буддийские школы, основанные на санскритской традиции, в том числе японский буддизм, являющийся наследником традиций великого Университета Наланда, существовавшего в Древней Индии. Согласно традиции Наланды, всё необходимо понимать в соответствии со здравым смыслом. Сначала наш настрой должен быть скептическим, мы должны во всём сомневаться, как это делают современные люди. Скептицизм рождает вопросы, с вопросов начинается исследование, а исследования и эксперименты дают ответы.

Буддисты не верят в учения Будды по той лишь причине, что он их преподавал. Мы подходим к учениям со скептическим настроем и проверяем, истинны ли они. Когда мы убеждаемся, что учения действительно истинны, мы можем принять их.

Уэда: Я согласен с тем, что учения буддизма – это не просто мистицизм – они основаны на здравом смысле. Но японский буддизм далеко ушёл от этого основанного на здравом смысле подхода. Например, цель дзен-буддизма – выход за пределы вербальной логики. Цель школы нембуцу – относящейся к буддизму Чистой земли – безоговорочно верить себя спасительной силе Будды Амиды². Поскольку японские буддисты уделяют основное внимание выходу за пределы логики и смирению, они говорят, что логические утверждения на самом деле не являются буддизмом, и считают, что люди, использующие логику, понимают буддизм очень поверхностно или ещё не пришли к смирению. Когда такие буддисты говорят: «Не вводи себя в заблуждение логикой – просто верь», это даёт монахам предлог не заниматься рациональным исследованием собственного опыта.

Как Вы сказали, буддизм начинается с наших собственных вопросов, и исследование этих вопросов – его суть. Но в среде японских буддистов, если ты задаёшь свой собственный вопрос, тебе говорят, что у тебя недостаточно веры или что ты недостаточно долго практиковал буддизм. В результате многие монахи даже не пытаются мыслить самостоятельно. Сначала может показаться, что полная покорность учениям основателя школы и абсолютная вера в них – это акт, исходящий из глубинного ума веры, но такой акт всегда сопряжён с возможностью слепой веры. Кроме того, люди, верящие во что-то слепо, лишают молодых людей, стремящихся к самостоятельному исследованию, мотивации заниматься таким исследованием. Поскольку современные молодые люди сомневаются в традиционных учениях, задают серьёзные вопросы и хотят глубоко их исследовать, традиционный буддизм может предложить им свою мудрость. Если же их вопросы с самого начала будут игнорироваться, пропадёт возможность глубинного исследования буддийских учений, и буддизм никогда не сможет соответствовать современности.

² Здесь и далее по тексту приводится японское произношение имени Будды Амитабхи. – *Прим. пер.*

Ритуал и смысл

Далай-лама: В этом смысле все мы, буддисты, одинаковы. Как и в японских храмах, во многих тибетских монастырях монахи выполняют ритуалы, не имея ни представления об их смысле, ни желания знакомиться с учениями. Ритуал является для них лишь средством зарабатывания денег. Таких монахов не волнует ни нирвана, ни следующая жизнь. Они думают лишь о том, как заработать деньги в этой жизни. Если люди совершают подношения, монахи радуются. Подобная ситуация сложилась в Китае и во многих христианских церквях во всём мире.

„Религия, основанная исключительно на вере, может превратиться в мистицизм, в то время как здравый смысл обеспечивает основание для веры и делает её полезной в повседневной жизни...“

Уэда: В Тибете тоже существует эта проблема?

В буддизме вера и здравый смысл должны идти рука об руку – с самого начала. Без здравого смысла вера может быть только слепой, и Будда не принимал такой веры.“

Далай-лама: Да, в некоторых монастырях. (*Обращается к своему переводчику геше Дордже Дамдулу.*) Вам ведь хорошо известно, что монахи, которые не учатся, всегда проводят ритуалы, даже не зная смысла сутр. Именно поэтому с самого начала моей жизни в изгнании в Индии я вновь и вновь повторяю, что мы должны изучать сутры. Кем бы мы ни были – тибетцами, китайцами или японцами – мы должны стать буддистами двадцать первого века. Если мы принимаем свою религию, мы должны понимать её смысл. Только тогда мы будем серьёзно относиться к своей вере и практике. В противном случае мы просто следуем за модой.

Каждый раз, когда я приезжаю в Японию, с момента моей первой поездки в 1960 году, мне кажется, что монахи выполняют множество ритуалов, но не уделяют внимания изучению теоретических основ буддизма. Теоретическими знаниями обладают только профессора в университетах и учёные. Даже если сами они не являются буддистами, они знают гораздо больше, чем монахи.

К счастью, среди тибетских монахов есть и настоящие учёные, обладающие обширными и глубокими знаниями, которые они приобретают в течение тридцати лет обучения. Люди, хранящие слепую веру, идут в храм, когда кто-то умирает, и монахи читают сутры. Но если мы будем практиковать буддизм лишь на уровне ритуала, он никогда не поможет нам решить существующие сегодня социальные проблемы.

Буддизм как наука об уме

Далай-лама: В общем, самое главное – это популяризировать человеческие ценности как фундамент повседневной жизни через образование.

„Сначала наш настрой должен быть скептическим, мы должны во всём сомневаться, как это делают современные люди. Скептицизм рождает вопросы, с вопросов начинается исследование, а исследования и эксперименты дают ответы.“

Кроме того, я считаю, что важно воспринимать буддизм не как религию, а как науку об уме. Тогда у буддизма будет больше возможностей поддерживать основополагающие человеческие ценности. В качестве науки об уме буддийское знание можно использовать для улучшения светского образования и помощи студентам в развитии таких качеств, как любовь и доброта, изначально присущих всем людям. На Западе учёные уже начинают находить применение буддийским техникам не как религиозным практикам, но как набору научных методов, включающих медитацию и анализ ума.

Буддизм традиционно подразделяется на так называемую хинаяну («Малую колесницу») и махаяну («Великую колесницу»). Хинаяна учит нас не причинять вред живым существам, махаяна же делает упор не только на непричинении вреда, но и на помощи окружающим. Поэтому, видя бедность и несправедливость, буддист не должен оставаться равнодушным.

„Буддисты не верят в учения Будды по той лишь причине, что он их преподавал. Мы подходим к учениям со скептическим настроением и проверяем, истинны ли они. Когда мы убеждаемся, что учения действительно истинны, мы можем принять их.“

Некоторые ключевые фигуры католической церкви в Латинской Америке очень озабочены социальной несправедливостью, и с этой точки зрения их можно назвать левыми. Если религиозные лидеры слишком увлекаются общественной деятельностью, их работа становится политической. Как с этим обстоят дела на Шри-Ланке? А в Японии? Я слышал, что в Корее некоторые монахи проявляют значительную политическую активность. Подробности мне неизвестны, но это именно то, что я слышал.

Уэда: Кажется, вокруг теологии освобождения, политической деятельности церкви Латинской Америки, направленной на защиту слабейших членов общества, всё ещё ведутся споры. В любом случае это прекрасный прецедент, который невозможно игнорировать.

„Во многих тибетских монастырях монахи выполняют ритуалы, не имея ни представления об их смысле, ни желания знакомиться с учениями. Ритуал является для них лишь средством зарабатывания денег.“

На Шри-Ланке также некоторые монахи принимают участие в политической жизни. Однако в обстановке гражданской войны между многочисленными школами сингальского буддизма и несколькими сектами тамильского индуизма политическая деятельность может привести к тому, что буддизм будут связывать с сингальским национализмом, так что тут не всё так просто. В любом случае, как Вы сказали, буддизм хинаяны, целью которого являются личное освобождение и индивидуальное благо, называют «Малой колесницей», и в этом названии слышатся критические ноты, в то время как буддизм махаяны развивался с упором на альтруистическую практику спасения других, так что он является глубоко социальным по своей природе.

„Если мы будем практиковать буддизм лишь на уровне ритуала, он никогда не поможет нам решить существующие сегодня социальные проблемы.“

Сострадательный гнев

Далай-лама: Когда религиозные люди сталкиваются с несправедливостью, носящей экономический или какой-то другой характер, они ни в коем случае не должны оставаться равнодушными. Религиозные люди должны всеми силами стараться решить эти проблемы.

Вопрос здесь в том, как быть с гневом. Существует две его разновидности. Первый тип гнева возникает на основе сострадания, такой гнев полезен. Гнев, мотивированный состраданием или желанием устранить социальную несправедливость, не направлен во вред другим людям, это хороший гнев; если он у нас есть, это полезно. Например, хороший родитель, озабоченный поведением своего ребёнка, может говорить с ним очень строго или даже ударить его. Он может быть разгневан, но у него нет ни тени желания причинить своему ребёнку вред.

В японских храмах на алтарях часто устанавливают изображение гневного проявления буддийского божества Ачалы. (*Открывает рот, оскаливая зубы в попытке передать облик гневного божества.*) Но гнев на лице Ачалы отражает не ненависть или желание причинить вред живым существам, а заботу о них, стремление сделать так, чтобы они исправились, подобно тому, как родитель хочет, чтобы его ребёнок исправил свои ошибки. Как вы справедливо заметили, гнев делает нас более энергичными, решительными, а наши поступки, направленные на исправление несправедливости, более эффективными.

Уэда: Конечно, гнев должен быть подкреплён состраданием.

Далай-лама: Да. Глубинная мотивация – это сострадание, а гнев – это средство достижения цели.

„Самое главное – это популяризировать человеческие ценности как фундамент повседневной жизни через образование...“

Уэда: Для того чтобы использовать гнев как мотивирующую силу, должны ли мы трансформировать его в другое, позитивное состояние? Или достаточно поддерживать гнев таким, какой он есть?

...Важно воспринимать буддизм не как религию, а как науку об уме.“

Далай-лама: Вопрос в том, какое состояние ума или мотивация подталкивают человека к действию. Действие, которое мы совершаем, является следствием причины, которая уже существует внутри нас. Если мотивация, побуждающая нас действовать, – это ненависть к другому человеку, тогда ненависть, выраженная в форме гнева, приведёт к деструктивному действию. Такое действие будет негативным. Но если мы действуем, руководствуясь заботой о другом человеке, если наша мотивация – это любовь и симпатия, мы можем действовать на основе гнева, поскольку нас волнует благополучие человека.

Так родители действуют, исходя из заботы о детях. Например, если ребёнок играет с ядом, есть опасность, что он положит яд себе в рот. Это чрезвычайно опасная ситуация,

и родитель может закричать на ребёнка или ударить его по рукам, но лишь из искренней заботы о нём, чтобы отвести от него опасность. Как только ребёнок бросит яд, гнев родителя прекратится. Так происходит потому, что гнев направлен на действия ребёнка, которые могут причинить ему вред, а не на самого ребёнка. В таком случае уместно принять необходимые меры, чтобы остановить действия ребёнка, – может потребоваться гнев, окрик или шлепок.

Если же гнев направлен на человека, если мы желаем ему или ей зла, такое чувство будет сохраняться на протяжении долгого времени. Если кто-то пытается причинить вам вред, или вы чувствуете, что вам причинили вред, у вас остаётся негативное отношение к человеку, который это сделал, и даже если он больше не совершает подобных поступков, он всё ещё вызывает у вас неприятные чувства. В первом случае, как только неправильное поведение ребёнка прекращается, гнев родителя исчезает. Эти два типа гнева значительно отличаются друг от друга.

Уэда: В таком случае что можно сказать о гневе, направленном на социальную несправедливость? Будет ли такой гнев длиться очень долго, до тех пор, пока социальная несправедливость не исчезнет?

„Гнев, который возникает на основе сострадания, полезен. Гнев, мотивированный состраданием или желанием устранить социальную несправедливость, не направлен во вред другим людям, это хороший гнев; если он у нас есть, это полезно.“

Далай-лама: Гнев, направленный на социальную несправедливость, сохранится до тех пор, пока не будет достигнута цель. Ему придётся существовать столь долго.

Уэда: Понимаю. То есть человеку действительно придётся поддерживать чувство гнева?

Далай-лама: Конечно. Такой гнев направлен на саму социальную несправедливость, он питает борьбу с ней, и поэтому должен поддерживаться до тех пор, пока не будет достигнута цель. Он необходим для того, чтобы уничтожить социальную несправедливость и дурные, деструктивные действия.

„Если мотивация, побуждающая нас действовать, – это ненависть к другому человеку, тогда ненависть, выраженная в форме гнева, приведёт к деструктивному действию. Такое действие будет негативным.“

Например, негативное или гневное отношение к таким преступлениям китайских властей, как пытки и нарушения прав человека, будет сохраняться до тех пор, пока подобные действия имеют место.

Хорошие и плохие привязанности

Уэда: Ваши слова поражают меня. Большинство знакомых мне японских монахов, занимающихся различными видами общественной деятельности, вдохновляет на действия гнев или возмущение, но другие монахи часто говорят им, что они ещё не достигли просветления и пока имеют очень низкий уровень понимания буддийских учений. Японский буддизм учит тому, что любой гнев – в том числе и основанный на сострадании – необходимо подавлять. Гневаться – даже перед лицом социальной несправедливости и ужасных зверств – это не по-буддийски, это грубо противоречит учениям Будды. В то же время многие монахи злятся по мелочам.

Далай-лама: *(Указывает на свою голову.)* Мне кажется, мы сейчас говорим об интеллектуальном понимании.

„Гнев, направленный на социальную несправедливость, должен поддерживаться до тех пор, пока не будет достигнута цель. Он необходим для того, чтобы уничтожить социальную несправедливость и дурные, деструктивные действия.“

Однажды я беседовал с богатой женщиной из Швейцарии, и она задала мне вопрос о привязанности. Буддизм учит, что мы должны преодолеть привязанности, но люди часто путают непривязанность с безразличием. Эта женщина думала, что преодолеть привязанности – значит даже не признавать, что хорошие вещи хороши. Например, она спросила меня, является ли ум, стремящийся к просветлению, привязанностью к просветлению и не должны ли мы от него избавиться? Но ум, стремящийся к просветлению, – это привязанность, которую нам следует поддерживать, а не отвергать. Привязанность, основанная на таком стремлении, – это хорошая, полезная привязанность.

„Буддизм учит, что мы должны преодолеть привязанности, но люди часто путают непривязанность с безразличием.“

Эта женщина также сказала, что без привязанности она не может искренне заниматься альтруистической практикой. Но это тоже заблуждение. Я сказал ей, что у бодхисаттв множество привязанностей. Мы должны отказаться от тех привязанностей, которые основаны на пристрастных взглядах. Ценное желание непредвзятого сердца – это не та привязанность, которую нам следует отвергать. С точки зрения буддизма избавиться от привязанности – значит избавиться от ложных желаний, однако нам по-прежнему нужны ценные и позитивные желания, их отбрасывать не следует. Ценные и позитивные желания, такие как стремление к просветлению, это не те желания, к победе над которым нас призывает буддизм. Ради исполнения желаний хорошего ума, достижения его великих целей, таких как просветление, мы должны победить ум привязанности с его мелочными желаниями, основанными на пристрастных воззрениях.

Возможно, эту идею непросто понять, потому что мы называем словом «привязанность» оба вида желаний. Однако ум, который стремится к благим целям, таким как просветление, следует поддерживать, в то время как ум привязанностей, основанных на пристрастных взглядах, необходимо устранить.

Я чувствую, что японские монахи, о которых вы говорите, не думают о подлинной практике. В теории то, что гнев не бывает благом, и то, что мы должны избавиться от всех привязанностей, верно. Но когда мы сталкиваемся с социальной несправедливостью на практике и должны решить, как с ней бороться, гнев не всегда плох, и нам не нужно бороться со своей привязанностью. В теории гнев плох, и мы должны избавиться от привязанностей, но на практике мы не можем полностью их отвергать. Нужно отличать теорию от практики.

Уэда: Слова о двух видах привязанности, которые Вы только что произнесли, открыли мне глаза. Меня всегда ставил в тупик вопрос о привязанности. Некоторые очень влиятельные японские буддийские монахи дзен, сингон и других школ, утверждают, что достигли просветления и больше не привязаны к материальным вещам, и поэтому их дорогие машины, часы *Rolex*, ночи, проведённые за выпивкой в компании гейш, и огромные состояния не проблема, ведь они ко всему этому не привязаны.

Любой человек сочтёт такое противоречие странным. Они оправдывают свои действия логикой преодоления привязанностей, которой учит буддизм. Поведение нескольких монахов оттолкнуло от буддизма многих японцев, заставив их считать буддизм пустой тратой времени.

Преодолеть привязанность не значит стать безразличным. Плохие привязанности необходимо отбросить, в то время как хорошие привязанности следует поддерживать во имя самосовершенствования.

Далай-лама: Согласно *дзогчен*, эзотерическому учению тибетского буддизма, в ходе религиозного обучения мы должны совершенствовать своё знание о том, как следует и как не следует действовать. Как вы сказали, эти монахи утверждают, что избавились от привязанностей, но при этом продолжают наслаждаться многими мирскими благами. Они якобы обладают внутренним пониманием, но их ошибочные действия говорят об обратном. Мы должны выражать своё внутреннее понимание на практике. Они утверждают, что обладают пониманием, но их действия говорят, что это понимание ложно.

„Мы должны отказаться от тех привязанностей, которые основаны на пристрастных взглядах...“

Соблюдение обетов, *виная*, играющее в буддизме огромную роль, связано с множеством практических указаний. Дзен и другие «высшие» формы практики относятся к интеллектуальному пониманию более серьёзно, чем к физическому поведению в повседневной жизни, которое считают незначительным, поскольку оно относится к более низкому уровню существования. Мне кажется, в японских буддийских монастырях почти не уделяют внимания практике *винаи*. То же самое относится к тибетскому обществу. Многие старшие монахи, живущие в США, утверждают, что обрели глубинное понимание учений, и поскольку они выполняют практику очень высокого уровня, их поведение не имеет значения. Они ведут себя как обычные светские люди. Разумеется, с точки зрения буддийской практики человек,

невзирая ни на какое внутреннее понимание, должен соблюдать обеты, так что подобное поведение свидетельствует о пренебрежении обетами.

Ценное желание непредвзятого сердца – это не та привязанность, которую нам следует отвергать.“

Уэда: Всё именно так, как Вы говорите. Поскольку в Японии духовности придаётся огромное значение, просветление выходит на первое место, и мы склонны не обращать внимания на поведение в повседневной жизни, ведь оно принадлежит более низкому уровню. Поведение тех монахов, о которых я рассказывал, больше говорит о том, что они за люди, чем о том, что такое японский буддизм. Но тот факт, что такие люди существуют и иногда обладают огромной властью в своих сообществах, отражает проблемы японского буддизма.

Разумеется, в Японии также есть множество монахов, заслуживающих искреннего уважения.

Далай-лама: Конечно.

Знание и практика

Далай-лама: В тибетских монастырях монахи часто изучают смысл сутр, но не пытаются усмирить свой ум с помощью практики. Они накапливают знания, но не применяют их на практике. С древних времён монахи в монастырях изучали сутры и в то же время знакомились с системой «Ламрим» [«Большое руководство по этапам пути к пробуждению», написанное великим тибетским учёным монахом Цонкапой (1357–1419 гг.)], фокусом которого является успокоение ума и трансформация личности. Но в последнее время монахи уделяют больше внимания сутрам и пренебрегают «Ламримом». Это зависит от мастеров, которые их учат, однако великий мастер будет учить не только сутрам, но и методам самосовершенствования и успокоения ума. Если мастер передаёт лишь сухое знание, сколько бы сутр ни выучил его ученик, есть вероятность, что он останется таким же высокомерным, завистливым и невежественным, каким был прежде, и в его уме не будет мира. Это признаки человека, увлечённого изучением теории и не занимающегося практикой.

„Ум, который стремится к благим целям, таким как просветление, следует поддерживать, в то время как ум привязанностей, основанных на пристрастных взглядах, необходимо устранить.“

Уэда: Это так.

Далай-лама: Будда ясно говорил о том, что даже великое знание без спокойствия ума бесполезно. Цонкапа сочинил такую *гатху* четверостишие: «Если некто прослушал множество учений, но сердце его не спокойно, значит, он не применял их на практике». Получая учения от мастера, мы должны не только воспринимать их на интеллектуальном уровне, но и впустить в своё сердце и использовать для успокоения ума. В тибетских монастырях монахи не только читают сутры, но и изучают «Ламрим», так что они хранят смысл сутр в своих сердцах и используют его, чтобы направить свой ум на благой путь.

Модернизация или вера

Уэда: Традиционное буддийское знание до сих пор передавалось от мастера ученику, причём мастер был внимателен к каждому этапу обучения и духовного роста подопечного и передавал только те знания и практики, которые соответствовали уровню развития ученика. С древних времён буддийское знание с большой гибкостью передавалось от мастера ученику. В Японии некоторые утверждают, что буддийское знание не должно передаваться в формальной и обезличенной обстановке, где оно может быть неправильно интерпретировано, например в университетах, вне контекста отношений мастера и ученика.

Далай-лама: В Тибете некоторые монастыри тоже начинают напоминать университеты. Некоторые даже стали называться университетами. Конечно, в их программы изучения буддизма входят индивидуальные курсы, которые обычно предусматриваются всеми университетами, но различие между этими учреждениями и обычными университетами заключается в том, что ученики должны трансформировать собственное сердце через учения «Ламрима». В них ясно говорится о том, какое поведение следует принять, а какое – отвергнуть. Подобные учреждения называют себя университетами, но их подход отличается от университетского.

Однако тибетцы, находящиеся в изгнании в Индии, проходят через обычную образовательную систему, и после завершения светского образования всё меньше молодых людей идёт в монастыри. *(Обращается к геше Дордже Дамдулу.)* Молодые люди, которые только что прибыли из Тибета и ещё не осведомлены о такой ситуации, возможно, по-прежнему идут в монастыри. Как вам кажется?

Геше Дордже Дамдул: За последнее время многие тибетцы иммигрировали в США и другие западные страны, и число монахов, приходящих в монастырь, чтобы изучать буддизм, постоянно уменьшается. Существует опасность, что, окончив обучение в школе, работающих в рамках современной образовательной системы, они не будут интересоваться религией.

Далай-лама: Что произойдёт, если тибетское общество станет современным?

„Будда ясно говорил о том, что даже великое знание без спокойствия ума бесполезно.“

Геше Дордже Дамдул: В монастыри будет приходить всё меньше людей – это точно.

Далай-лама: Если тибетцы перейдут на современную систему образования, в результате чего изменится их способ зарабатывать на жизнь, монастыри рискуют превратиться в академические учреждения, потеряв свои остальные функции. Это было бы очень опасно для тибетского общества.

Что же нам делать? Мы должны уделять больше внимания преподаванию буддизма в школах. Если мы выработаем политику, позволяющую интегрировать изучение буддизма в школах в современную систему образования, молодые люди будут выходить из школ со знанием буддизма и интересом к нему, а некоторые из них даже захотят пойти в монастырь, чтобы трансформировать свой ум. Для этой цели мы должны создать буддийские универ-

ситеты и учреждения, в которых смогут проходить обучение обычные миряне, мужчины и женщины. Если все они пойдут в монастыри и станут монахами и монахинями, в монастырях окажется слишком много таких людей, которым нечего там делать. (*Смеётся.*) Необходимо создать университеты для молодых людей, интересующихся практикой буддизма и желающих совершенствовать свой ум, оставаясь при этом мирянами без принятия монашеских обетов.

Институт буддийской диалектики в Дхарамсале не допускает к обучению тибетских женщин. Вокруг этой политики приёма велись долгие споры, но до сих пор не было принято никакого решения. Её обязательно нужно изменить, тогда появится место, где мирянки смогут изучать буддизм. Сейчас некоторые женщины, пытавшиеся поступить в Институт буддийской диалектики, но не принятые туда, проходят обучение в институте женского монастыря Джамьянг Чолинг. Я говорил с одним из их учителей, *геше* из монастыря Лоселинг (в Южной Индии), и пришёл к выводу, что эти женщины исключительно одарённые студентки, горячо желающие изучать буддизм. Мы должны создать учреждения, в которых смогут учиться такие женщины.

Конечно, монастыри столкнутся со сложностями, если начнут принимать мирян, но должны существовать такие места, где все без исключения мужчины и женщины, будь то монахи или миряне, смогут изучать буддизм. Родители, получившие хорошее буддийское образование, могут передать знание своим детям и научить их практике. Институт буддийской диалектики принимает иностранцев, но всё ещё закрыт для тибеток-мирян.

Благотворный дух соперничества

Уэда: Хорошо. Но я бы хотел вернуться к вопросу о создании альтруистического общества и спросить Вас о значении соперничества. Японцы всё больше и больше соперничают друг с другом, и это сильно осложняет жизнь. С одной стороны, проблема заключается в нашем желании стать обществом, движимым духом соперничества, но, с другой стороны, люди, критикующие соперничество и конкуренцию, как правило, обращают внимание лишь на негативные стороны, и это тоже проблема. Но я уверен, что соперничество может быть очень полезным.

Далай-лама: Это верно.

Уэда: С моей точки зрения, существуют два вида соперничества. Первый вид соперничества позволяет нам поддерживать друг друга. Например, когда два человека соревнуются в боевых искусствах, таких как дзюдо или кэндо, их в первую очередь заботит не победа или поражение, а сама борьба равных соперников, позволяющая им стать сильнее, и это замечательно. Но сегодня японское общество приняло американскую модель соперничества, подразумевающую наличие победителей и проигравших. В результате победитель получает всё, а проигравший вынужден страдать, и вне зависимости от того, насколько невыносимой становится его жизнь, ему приходится с этим смириться, ведь он потерпел поражение. Такой вид соперничества, в результате которого появляются победители и проигравшие, команда-победитель и команда, потерпевшая поражение, начинает преобладать.

Мне кажется, словом «соперничество» можно называть многочисленные отличные друг от друга виды соперничества. Что Вы об этом думаете, Ваше Святейшество?

Далай-лама: Да, я полностью с вами согласен. Я также провожу черту между хорошим, полезным соперничеством, о котором вы говорили, и другим, плохим соперничеством. Самое лучшее соперничество такое, которое заставляет нас стремиться к определённой цели, и видя хорошие качества других людей, желать развить их в себе. Это позитивное соперничество. Буддисты говорят: «Я принимаю прибежище в Трёх драгоценностях: Будде, Дхарме и Сангхе», и в определённом смысле мы ощущаем дух соперничества с Тремя драгоценностями. Мы принимаем в качестве примеров для подражания Будду и Сангху (сообщество монахов), и это помогает нам двигаться вперёд к достижению высших состояний. Это позитивный дух соперничества, который необходим для подлинного внутреннего развития.

„Самое лучшее соперничество такое, которое заставляет нас стремиться к определённой цели и, видя хорошие качества других людей, желать развить их в себе.“

Существует и негативный дух соперничества, от которого, как вы справедливо заметили, мы должны отказаться. Подобное соперничество проводит черту между людьми и говорит: «Я победитель, а ты проигравший». Участвуя в подобном соперничестве, мы пытаемся причинить вред другому человеку, думаем лишь о своих интересах и таким образом сами создаём своего врага. Чем шире распространяется этот вид соперничества, тем больше

проблем он создаёт в обществе. Однако позитивный дух соперничества позволяет нам возвыситься друг друга, помочь друг другу, так что выигрывают все.

Уэда: Именно так. В прошлом году я понял, что в соперничестве американского типа важны лишь победы и поражения. Даже если сегодня я окажусь победителем, завтра я могу потерпеть поражение, и в этой жестокой реальности мой ум никогда не знает покоя.

„Существует и негативный дух соперничества, от которого мы должны отказаться. Подобное соперничество проводит черту между людьми и говорит: «Я победитель, а ты проигравший».“

Далай-лама: О да, в Китае происходит то же самое. В Китае, если ты однажды потерпел поражение, для тебя всё кончено. *(Делает жест перерезания горла, смеётся.)*

„Однако позитивный дух соперничества позволяет нам возвыситься друг друга, помочь друг другу, так что выигрывают все.“

Уэда: Мне кажется, это происходит и в Японии. Прежде в Японии соперничество позволяло нам вдохновлять друг друга. Мы доверяли друг другу и обществу. Но соперничество, в которое мы сейчас вовлеклись, – это закон джунглей, оно определяет команду победителей и команду проигравших. Мы перестали уважать друг друга и доверять друг другу, и общество также лишилось доверия людей.

Пустотность и сострадание

Уэда: Следующий вопрос связан с тем, о чём я Вас спрашивал в прошлом году на Ваших лекциях в Синагаве и Хиросиме. Он о связи между пониманием пустотности и состраданием.

В первых рядах большого зала, рассчитанного на 800 человек, сидели самые высокие монахи школы сингон. Я был удивлён тем, насколько безразличными они казались по сравнению с мирянами и молодыми монахами, сидевшими дальше. Они казались абсолютно расслабленными, словно вообще не слушали лекцию. В зале царила атмосфера приятного волнения, но их энергия была другой.

В ходе тех лекций Вы неоднократно говорили о важности сострадания и доброты как сущности буддизма, однако те монахи, которых все считали главными хозяевами мероприятия, сидели на своих особых местах, в первых рядах, и слушали с безразличием. Как они могли так себя вести? Я был настолько потрясён, что не мог не задать свой вопрос. Вы говорили о важности доброты и сострадания, однако в японском обществе многие считают, что монахам недостаёт глубинного сострадания. Почему так происходит? И как мы можем это изменить? Таким был мой вопрос, адресованный Вам. Я спрашивал Вас, но хотел, чтобы этот вопрос также задел монахов, сидевших в зале.

С тех пор как я впервые оказался на Вашей лекции семнадцать лет назад, я много раз слышал речи, с которыми Вы выступаете по всему миру, и никогда не думал, что задам подобный вопрос, но атмосфера в зале была для меня невыносимой. Из-за того что ответам на вопросы было отведено немного времени, Вы ответили лишь на вторую часть моего вопроса. Вы сказали, что время, когда только монахи решали, как правильно практиковать буддизм, прошло и что все люди, будь то специалисты из сферы образования, учёные или руководители, должны вместе обсуждать возрождение буддизма.

После этого в Хиросиме я задал Вам другой вопрос, развивавший тему. В своей лекции Вы говорили о понимании пустотности и практике сострадания. Позвольте мне в двух словах воспроизвести суть Вашей речи.

Учения Будды имеют два уровня: уровень мудрости и уровень искусных средств или, иначе говоря, уровень понимания истины и уровень практических действий. Мудрость – это знание закона причинно-следственных связей или пустотности, а искусные средства – это ненасилие или практика сострадания. Что такое пустотность? Это видение того, что все феномены необходимо понимать как взаимозависимые. Эта идея лежит в центре учения Нагарджуны о «Срединном пути». Ничто не возникает без причины. Христиане верят в божественного творца всех вещей, но мы, буддисты, понимаем, что все вещи возникают согласно причинно-следственному закону. Счастье, страдание и все феномены возникают по определённым причинам. Ни одна вещь не рождается из самой себя – всё имеет причину. Закон причинно-следственных связей указывает, что все вещи взаимозависимы. Пустотность – это не ничто. Этот термин означает, что все вещи существуют согласно причинно-следственному закону. Все вещи пусты в смысле отсутствия в них самобытия, они не существуют сами по себе, они взаимозависимы. Вы также говорили о том, что буддизм считает важной как мудрость понимания пустотности, так и практику сострадания.

Слушая Вашу лекцию, я задался вопросом о связи между пустотностью и состраданием. Некоторые буддийские монахи, понимающие учение о пустотности и объясняющие его, явно не испытывают большого сочувствия к страданиям живых существ, и в Хиросиме я спросил Вас, как такое возможно. Вы ответили, что если человек по-настоящему понимает пустотность, сострадание возникает в нём естественно, если же этого не происходит, возможно, его понимание пустотности ошибочно. Пустотность подразумевает взаи-

мозависимость всех вещей, но кто-то может решить, что пустотность – это просто ничто. Вы объяснили, что если мы разовьём в себе понимание пустотности, сострадание возникнет естественным образом, поскольку все вещи взаимозависимы и взаимосвязаны через причинно-следственный закон. Однако я не очень понял ту часть Вашего объяснения, в которой Вы говорите, что сострадание возникает естественным образом. Мне кажется, здесь кроется какая-то очень тонкая проблема.

Многие высокие монахи, пришедшие на Ваши лекции в Синагаве и Хиросиме, являются теми людьми, которые должны обладать глубоким пониманием пустотности, но, похоже, они не развили в себе подлинного сострадания. Глядя на них, я начал думать, что понимание пустотности, не связанное с состраданием, является большой проблемой. Так что я хочу ещё раз вернуться к этому вопросу.

Далай-лама: Существуют четыре философские школы, исследующие пустотность: сарвастивада, саутрантика, йогачара и мадхьямака. Первые две школы относятся к хинаяне, а две последние являются независимыми друг от друга философскими учениями махаяны. Тот, кто изучает буддизм, должен изучить все четыре школы. Последняя школа, мадхьямака, подразделяется на сватантрику и прасангику. Чтобы обрести глубинное понимание пустотности, мы должны уловить тонкое различие в воззрениях отсутствия собственного «я», являющихся ключевыми для школ йогачары, сватантрики и прасангики. С точки зрения школы прасангика глубочайшее и высочайшее понимание пустотности заключается в видении того, что все вещи зависят от причин и условий.

Иными словами, ничто не существует само по себе, и, согласно данному пониманию существования, все вещи возникают в зависимости от причин и условий. С точки зрения такого толкования причинно-следственного закона все вещи зависят от других вещей, и мы можем воспринимать реальность через причинно-следственные связи. Пустотность понимается как закон причинно-следственных связей. Когда мы видим, что пустотность опирается на причинно-следственные связи, пустотность перестаёт означать для нас пустоту, в которой не существует ничего вещественного, и мы понимаем, что все вещи в этом мире возникают согласно причинно-следственному закону. Первое, что я хочу объяснить, это понимание пустотности, основанное на законе причинно-следственных связей, согласно которому ничто не обладает самобытием. Но ум сострадания не возникает лишь на основе этого понимания. Это то, о чём вы спрашивали.

Второе, что я хочу объяснить: постигнув смысл пустотности на основе закона причинно-следственных связей, мы можем увидеть, что страдания всех живых существ берут своё начало в уме неведения и что неведение может быть устранено. Пустотность и неведение – прямые противоположности друг друга. Неспособность понять пустотность и взаимозависимость – это неведение, и по мере усиления обоснованной веры в пустотность ум неведения ослабевает. Развивая осознание пустотности, мы можем устранить неведение, являющееся источником наших заблуждений и страданий. Мы видим, что живые существа страдают в силу этого неведения, и у нас возникает чувство сострадания по отношению к ним. Мы получаем возможность увидеть причину человеческих страданий. Мы видим, что если устраним их причину, страдания исчезнут, и благодаря этому возникает сострадание.

Существует множество уровней понимания пустотности, но если мы верно, основываясь на учениях школы прасангика, понимаем самую глубинную суть пустотности, мы знаем, что неведение можно устранить. Когда мы видим, что живые существа страдают из-за неведения, в нас просыпается мысль сострадания.

„Глубочайшее и высочайшее понимание пустотности заключается в видении того, что все вещи зависят от причин и условий.“

Что же касается монахов, изучивших глубинный смысл сутр и достигших высокого уровня понимания, им трудно почувствовать сострадание по отношению к обычным страданиям, поскольку их знание остаётся чисто академическим. Согласно учениям буддизма, люди испытывают три вида страданий: страдание физической боли, страдание перемен и всепроникающее страдание обусловленности. Среди этих трёх видов страдания учёные монахи склонны уделять больше внимания сложным концепциям страдания перемен и всепроникающего страдания обусловленности, чем страданию физической боли, и поэтому, когда они сталкиваются с этим «низшим» уровнем страдания, у них могут быть сложности с порождением сострадания. *(Обращается к геше Дордже Дамдулу.)* Вы с этим согласны? Почему у некоторых людей, называющих себя буддистами, отсутствует сострадание? Он прав. Если в Тибете старик или старуха увидит больную и голодную собаку, они пожалеют её и дадут ей еды. Может показаться, что по сравнению с этими людьми монахи лишены сострадания.

„Все вещи зависят от других вещей, и мы можем воспринимать реальность через причинно-следственные связи.“

Геше Дордже Дамдул: Не все монахи так ужасны. *(Далай-лама смеётся.)* Это должно быть ясно любому, у кого есть сострадание. *(Далай-лама снова раздражается смехом.)* На самом деле не все монахи таковы. Но некоторым людям действительно не хватает сострадания...

Далай-лама: *(Обращается к геше Дордже Дамдулу.)* Поделитесь с нами своим личным опытом.

Он окончил школу для тибетских детей-беженцев Tibetan Children's Village и получил там современное образование в западном духе. После этого в двадцать лет он поступил в наш монастырь в Южной Индии. Так что он может говорить о разных подходах к образованию исходя из собственного опыта.

Геше Дордже Дамдул: Я признаю, что некоторые очень учёные монахи не применяют свои знания на практике. С другой стороны, есть монахи, которые действительно сумели использовать свои академические знания и развить ум сострадания. Их сострадание настолько глубоко, трансцендентно, что его невозможно сравнивать с состраданием обычных людей.

„Неспособность понять пустотность и взаимозависимость – это неведение, и по мере усиления обоснованной веры в пустотность ум неведения ослабевает...“

Я учился в монастыре шестнадцать лет, и, по моему личному опыту, жизнь монахов сильно отличается от жизни за пределами монастыря. В монастыре ты можешь расслабиться, там друзья всегда придут тебе на помощь. Но как только ты покидаешь стены монастыря, ты чувствуешь, что всё изменилось, что рядом с тобой никого нет, что ты должен сам заботиться о себе, и со временем это чувство только усиливается. Когда я жил в монастыре, я испытывал невероятное ощущение гармонии, удивительное чувство уверенности, безопасности и счастья.

Далай-лама: Это светлая сторона. *(Смеётся.)*

Развивая осознание пустотности, мы можем устранить неведение, являющееся источником наших заблуждений и страданий. “

Уэда: Вам известны обе стороны.

Геше Дордже Дамдул: Но я полностью признаю, что тёмная сторона тоже существует. Как вы уже сказали, некоторые из самых учёных монахов не связывают знание с реальной практикой, и поэтому, несмотря на своё образование и понимание, в отсутствие практики могут вести себя как холодные, равнодушные люди. Но монахов с такими негативными качествами меньшинство. Большинство людей в монастырях интегрируют своё знание с практикой, и многие из них обладают глубинной добротой, основанной на мудрости.

Далай-лама: В худшем случае некоторые монахи получают в монастырях большие знания, но не могут интегрировать их с практикой. Они становятся очень красноречивыми и легко побеждают в дебатах, поэтому никто не может поставить под сомнение их слова, тогда как на самом деле им недостаёт сострадания и доброты.

Глава 3

Любовь и привязанность

Далай-лама: Учёные уже начинают признавать, что внутренние ценности (*прикладывает руку к груди*) – это самое главное, что счастье в жизни в первую очередь зависит именно от них и что сейчас мы очень в них нуждаемся не только с точки зрения духовного развития, но и с точки зрения нашего физического благополучия.

Наше общество ослеплено материальными благами и потеряло из виду подлинные ценности. Мы оцениваем всё с материальной точки зрения и не признаём никаких других ценностей. Даже внутри семьи, если человек зарабатывает деньги, к нему относятся хорошо, тех же, кто не зарабатывает, считают никчёмными людьми. Люди лучше относятся к своим детям, если есть вероятность, что в будущем они заработают много денег, и пренебрегают ими, если такой вероятности нет. Некоторые даже думают, что поскольку дети-инвалиды не приносят никакой пользы, их лучше сразу убить. То же самое относится к пожилым людям: поскольку они не зарабатывают денег, с ними обращаются дурно и кормят лишь объедками со своего стола.

Подобным образом мы поступаем и с животными. Мы ухаживаем за курицами, несущими яйца, но убиваем цыплят-петушков. Куриц, которые не несут яйца, мы тоже убиваем. Такое же отношение распространяется и на людей. Мы ценим только тех людей, которые приносят пользу, тех же, кто нам бесполезен, мы бросаем.

Уэда: Я полностью с Вами согласен. Ваше Святейшество, Вы говорили, что общество ориентировано на молодых, но можно также сказать, что оно ориентировано на утилитарность, использование. В современной цивилизации признание получает тот, кто полезен, но не тот, кто не может принести пользы.

Далай-лама: Да. (*Смеётся.*) Молодость оказывается полезнее. Если общество хорошо относится лишь к тем, кто приносит ему пользу, нам остаётся только молиться, что наша жизнь будет короткой. (*Молитвенно складывает ладони.*) Когда мы состаримся, мы станем бесполезными. (*Разражается смехом.*)

Уэда: Это так. Лучше не жить слишком долго, чтобы оказаться брошенными.

Далай-лама: Конечно, такая проблема существует не только в Японии. Мне кажется, в большинстве стран общество убеждено, что деньги – это единственная важная вещь.

Уэда: Деньги и положение в обществе. Если сын или дочь учатся в престижной школе или работают в известной компании, это становится источником большой личной гордости родителей.

Далай-лама: Совершенно верно. Я считаю, что самое главное в жизни – это глубинные человеческие ценности и сострадательные друзья, но люди не осознают этого. Например, если в бедном доме царит любовь, вся семья в нём счастлива. Если же в доме миллиардера члены семьи завидуют друг другу, подозревают друг друга, и между ними нет любви, то, сколько бы у них ни было богатства и сколь бы прекрасен ни был интерьер, они всё равно не будут счастливы.

„Наше общество ослеплено материальными благами и потеряло из виду подлинные ценности. Мы оцениваем всё с материальной точки зрения и не признаём никаких других ценностей...“

На этом примере мы можем ясно видеть разницу между поверхностными и глубинными, более высокими ценностями. Любовь и доброта, которые изначально присущи нам как человеческим существам, это и есть глубинные ценности, основа всех человеческих ценностей. Если поверхностные ценности, связанные с деньгами и материальным имуществом, имеют эту глубинную основу, они могут помочь людям быть счастливыми. Однако без такой основы поверхностные ценности не имеют смысла.

Любовь и привязанность

Уэда: Не могли бы Вы объяснить, как мы можем отличить любовь от привязанности? Некоторые родители считают, что их «хороший» ребёнок – это показатель того, какие они любящие родители. Они верят, что их ребёнок попал в хорошую школу благодаря их любви. Конечно, нет ничего дурного в том, чтобы учиться в хорошей школе, но желание родителей отправить ребёнка в хорошую школу основано на обусловленной любви. Может быть, это просто разновидность контроля, которую назвали любовью? Дети не являются собственностью своих родителей, и если родители относятся к ним как к собственности, это привязанность, а не любовь. Похоже, родители используют обусловленную любовь, чтобы контролировать своих детей. Что Вы об этом думаете?

„Даже внутри семьи, если человек зарабатывает деньги, к нему относятся хорошо, тех же, кто не зарабатывает, считают никчёмными людьми.“

Они привязаны не только к своим детям, но к представлению о самих себе как о родителях хороших детей. Подобные отношения не являются настоящей любовью.

Далай-лама: Вы очень верно описали обусловленную любовь и безусловную любовь. Мне кажется, если любовь родителей подлинная, они будут одинаково любить одарённого ребёнка и ребёнка-инвалида. Вообще-то, я даже думаю, что ребёнок– инвалид будет получать больше любви, больше заботы. Но если любовь не подлинная, если она чем-то обусловлена, ребёнка-инвалида сочтут бесполезным и не будут любить.

(Обращается к геше Дордже Дамдулу.) Отличается ли отношение родителей к обычным детям и детям-инвалидам в тибетском обществе?

Геше Дордже Дамдул: Мне кажется, как Вы и сказали, дети-инвалиды получают больше любви.

Далай-лама: *(Тихо.)* К ним действительно относятся с любовью? Не уверен...

Люди и животные

Далай-лама: Я думаю, что в определённой степени животные тоже ведут себя как родители, которые любят своих детей обусловленной любовью. Некоторые птицы дают больше пищи тем птенцам из своего гнезда, которые крупнее. Я заметил, что совы и орлы кормят своих крупных и мелких птенцов по-разному. Я даже предположил, что мелкие птенцы не выживают, поскольку большую часть пищи съедают крупные птенцы. Возможно, родители в животном мире так же по-разному относятся к своим детям, как и люди. Может быть.

Что касается собак и кошек, щенков и котят, можно ли сказать, что матери по-разному относятся к сильным и слабым детёнышам? Не знаю, но меня очень интересует этот вопрос. Если они дают больше еды своим крупным и сильным детям и совсем немного слабым, значит, они по-разному ценят этих детей. Животные ведут себя так по биологическим причинам.

Самки животных также часто отдают предпочтение более крупным самцам, потомство которых будет здоровее и сильнее. Они предпочитают более крупных самцов в силу биологического инстинкта, для сохранения вида и рождения сильного потомства.

„Если общество хорошо относится лишь к тем, кто приносит ему пользу, нам остаётся только молиться, что наша жизнь будет короткой. Когда мы состаримся, мы станем бесполезными.“

Олени часто сражаются друг с другом за самку; победитель выглядит величественно, а побеждённый отступает и уходит восвояси с разочарованным видом. *(Смеётся.)* Всё это также происходит по биологическим причинам.

„Самое главное в жизни – это глубинные человеческие ценности и сострадательные друзья.“

Подобным образом, если у женщины несколько детей, биологические инстинкты будут побуждать её лучше всего относиться к самому сильному из них. И если она считает самого слабого ребёнка бесполезным и меньше всего о нём заботится – сейчас мы не принимаем во внимание соотношение денег и ценности ребёнка, о котором только что говорили, – возможно, такое поведение также обусловлено биологией.

Спасибо за ваш вопрос, вы пробудили во мне любопытство. *(Смеётся.)*

Думаете, в мире животных существует то, что мы называем цивилизацией? Мне кажется, нет.

Уэда: Если называть культурой определённый фиксированный шаблон поведения, можно говорить о том, что в мире животных существует культура, но с цивилизацией всё сложнее.

В любом случае, похоже, что в мире животных главным приоритетом является биологическая необходимость производить потомство. Что же до людей...

Далай-лама: На уровне животных имеют значение только факторы физического развития. Если же говорить об уровне людей, в древние времена мы были ближе к уровню животных, гораздо сильнее физически. Физическая составляющая была единственно важной. Но с развитием цивилизации на первое место вышел человеческий интеллект. Благодаря интеллекту жизнь изменилась и усложнилась – такое развитие общества мы называем цивилизацией.

Иными словами, концепция цивилизации глубоко связана с человеческими ценностями или по крайней мере с интеллектом. Так что победа сильного над слабым на физическом уровне стала не так важна.

Интеллект – это уникальное качество, присущее только людям, и в цивилизованном обществе интеллектуальный уровень ценится выше, чем уровень физического развития. Но наряду с человеческим интеллектом, важную роль играют подлинная любовь и доброта, присущие людям.

„Дети не являются собственностью своих родителей, и если родители относятся к ним как к собственности, это привязанность, а не любовь.“

Важнейшие основополагающие человеческие ценности любви и доброты существуют на ином уровне, нежели интеллект. Если фундаментом цивилизации является интеллект, он играет в такой цивилизации ведущую роль, и мы склонны оценивать и выбирать людей исходя из их полезности. Но если мы лишь выносим интеллектуальные суждения, пренебрегая своими изначальными качествами любви и доброты, выбираем и ценим только то, что полезно, мы рискуем сделать подобные суждения единственным наследием своей цивилизации. Что вы об этом думаете?

Уэда: В целом я согласен со всем, что Вы сказали. Сначала было общество животных, в котором главную роль играла физическая сила, затем благодаря человеческому интеллекту появилась цивилизация, преодолевшая животный закон джунглей. Но поскольку интеллект оценивает вещи с точки зрения их полезности, возник другой вид дискриминации, и если мы будем полагаться исключительно на интеллектуальные суждения, то рискуем задуть любовь и доброту – фундаментальные свойства человеческих существ.

Однако как культурный антрополог я бы хотел кое-что добавить. Если рассматривать человеческую историю с точки зрения культурной антропологии, те, кто обладал самой большой физической силой, не всегда имели больше всего власти. Первоначально человеческое общество было обществом охотников и собирателей, которое, как мы знаем из истории, было полностью эгалитарным. Если охотник возвращался с добычей, добычу делили поровну между всеми членами сообщества. В то же время, разумеется, добычу невозможно было заготовить впрок. Поэтому, например, если я убивал большого оленя и затем оставлял его только для своей семьи, что-то в любом случае не съедалось, оставались отходы. Кроме того, охота зависит от удачи – иногда добыча сама идёт мне в руки, а иногда я могу по несколько дней подряд оставаться вовсе без добычи. Поэтому логично, что ради выживания сообщества в те дни, когда я убиваю добычу, я распределяю её поровну между всеми членами сообщества, а в те дни, когда добычу убивает кто-то другой, он делает то же самое. Поскольку в обществе охотников и собирателей практиковался такой способ распределения

между теми, у кого была власть, и теми, у кого её не было, практически не существовало дифференциации.

Но изобретение сельского хозяйства трансформировало человеческое общество. Аграрное общество является оседлым, поэтому люди перестали мигрировать со сменой сезонов, как это происходило в обществе охотников и собирателей. Поскольку сообщества охотников и собирателей были кочевыми, жилища оставались очень скромными, было невозможно ничего хранить или заготавливать. Но в аграрном обществе люди жили на одном месте, так что у них появилась возможность хранить собранное зерно, а также обзавестись мебелью, утварью и другим имуществом. В аграрном обществе стремительно вырос разрыв между богатыми и бедными и между теми, у кого была власть, и теми, у кого её не было, появились явные отличия. Возникла социальная дифференциация, появились землевладельцы и крестьяне, господа и рабы. С появлением возможности накапливать богатство и создавать учреждения, наделённые огромной властью, произошло оформление так называемых четырёх великих древних цивилизаций.

Вследствие изобретения сельского хозяйства появилось понятие частной собственности, так что для выживания стало надёжнее создавать персональные запасы, а не делить ресурсы поровну между всеми членами сообщества. Так люди в аграрном обществе начали бороться между собой за власть и богатство, и их столкновения ознаменовали возникновение систематических войн. Хотя в аграрном обществе совместная деятельность по-прежнему была очень важна и до определённой степени гасила соперничество и антагонизм, как только люди начали заниматься земледелием, возникли многочисленные общественные ранги, а также систематические конфликты.

Поэтому нельзя сказать, что физически сильные попирали слабых до возникновения цивилизации, а в цивилизованном обществе эта тенденция ослабла – напротив, согласно современной теории культурной антропологии, с началом земледелия борьба за власть усилилась, и насилия стало больше.

Далай-лама: Так и есть. Но мне кажется, даже в обществе охотников и собирателей физически сильные люди получали больше мяса – то же самое можно наблюдать у животных. Когда львица убивает жертву, её супруг важно подходит к добыче (*изображает походку льва*), прогоняет всех остальных и сам лакомится мясом. Сильным достаётся больше. Думаю, то же самое происходило у первых людей.

Уэда: Как культурный антрополог вынужден не согласиться.

Далай-лама: Правда? Тогда по сравнению с другими сообществами животных у людей более развито чувство общности. Выживание возможно только в сообществе.

Уэда: Это чистая правда.

Далай-лама: Но задумайтесь. У большого человека большой желудок. Захочет ли он остаться голодным, чтобы поделиться с остальными? Не думаю.

Уэда: Вы правы, наверное, нет. В таком случае культурный антрополог отчасти согласен с теорией Вашего Святейшества.

Далай-лама: (*Разражается смехом.*)

Уэда: Ваши последние слова заставили меня осознать, что я неверно Вас понял, когда Вы говорили о цивилизации.

С точки зрения культурной антропологии цивилизация возникла с появлением четырёх великих цивилизаций на берегах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Жёлтой реки ³, и мы считаем, что до этого цивилизации не существовало. Поэтому когда Вы, Ваше Святейшество, произнесли термин «цивилизация», я автоматически интерпретировал его таким образом. Однако, спрашивая, существуют ли цивилизации в мире животных, Вы использовали этот термин в более широком смысле, подразумевая – как у животных, так и у людей – управляемую интеллектом систему индивидуального сознания и общества, которая позволяет выйти за рамки животной природы. Я только что осознал, что Вы имели в виду именно это.

В таком случае Ваши слова полностью согласуются с пониманием культурного антрополога. В культурной антропологии общества охотников и собирателей, чью практику равного распределения я подробно описал, называют «прецивилизациями», однако, согласно Вашему определению, они являются «постцивилизациями». Общества охотников и собирателей относятся к тому периоду истории, когда интеллект и фундаментальные человеческие ценности любви и доброты находились в равновесии.

Четыре или пять миллионов лет назад обезьяны спустились с деревьев и стали прямоходящими, сделав шаг к превращению в людей. Вслед за этими первыми людьми, которых называют питекантропами, появились такие примитивные люди, как синантроп и человек яванский, и, наконец, современные люди, предками которых были кроманьонцы. Эти категории не подразумевают линейного течения эволюции, однако позволяют получить общее представление об этом процессе. Общества охотников и собирателей, о которых я говорил, уже состояли из кроманьонцев, обеспечивавших своё существование охотой и собирательством.

То, что Вы описали как эпоху, когда физически сильный человек получал больше еды, и в людях доминировала животная составляющая, соответствует эпохе питекантропов и произошедших от них примитивных людей. Разумеется, те люди уже отличались от животных, так как использовали огонь и орудия труда, и всё же они по-прежнему очень походили на животных.

Однако вслед за этим периодом человеческое сознание начало стремительно эволюционировать. Мозг развивался и наконец сравнялся по своим способностям с мозгом современного человека, что привело к пробуждению интеллекта. Например, были найдены останки одного неандертальца – этот вид полностью вымер, – который несколько лет прожил со сломанной ногой. Хотя он остался инвалидом, ему помогали друзья. Началась эпоха взаимопомощи.

В этот период произошла ещё одна революция: у людей впервые появилось понятие о смерти. Они начали хоронить мёртвых. Они осознали существование смерти и задумались о загробном мире. Это осознание стало открытием «жизни». Осознать смерть для них означало осознать, что они живут, что жизнь – это не смерть. Осознав базовое различие между жизнью и смертью, мы яснее поняли, что живём. Интеллект основан на различающем сознании, и самое фундаментальное из различий – это различие между жизнью и смертью.

Долгое время считалось, что неандертальцы были прямыми предками современного человека, но генетический анализ опроверг это предположение. Согласно основной современной теории, неандертальцы вымерли, поскольку не смогли приспособиться к различным изменениям окружающей среды. В любом случае в этот период интеллект людей начал развиваться, и они перешагнули этап, когда сильные возвышались над слабыми, о котором Вы

³ Хуанхэ. – Прим. пер.

говорили. Общество охотников и собирателей было основано на взаимопомощи и равном распределении ресурсов.

„По сравнению с другими сообществами животных, у людей более развито чувство общности. Выживание возможно только в сообществе.“

Таким образом, эта история человечества, «цивилизации», о которой Вы говорили, и общества охотников и собирателей, которые описал я, относятся к периоду, когда люди преодолели эпоху господства сильных над слабыми и обрели интеллект, однако всё ещё сохраняли свои фундаментальные качества любви и доброты. Однако с переходом к аграрному обществу люди стали сажать семена весной и собирать урожай осенью, и поэтому начали следить за временем. Доминирование интеллекта привело к тому, что люди начали проводить различия, основываясь на полезности, и интеллектуальное насилие тех, кто убивал других в погоне за богатством и властью, стало приемлемым. И всё же аграрные общества сохраняли сильное чувство общности, которое не давало недугам, возникшим по вине интеллекта, набрать полную силу. Однако с развитием индустриальных обществ чувство общности ослабло, и люди забыли, что являются общественными животными. Поскольку мы ошибочно начали воспринимать себя как индивидов, чья жизнь не связана с жизнями других людей, ничто больше не стояло на пути безжалостного доминирования интеллекта. И тогда наши фундаментальные качества любви и доброты померкли.

Любовь и естественная сила исцеления

Уэда: Так является ли развитие интеллекта благом для людей? Мы не просто животные, а животные, наделённые интеллектом. Наши интеллектуальные способности не только дали начало цивилизации, но и породили множество страданий.

Далай-лама: Да, это так. Большинство наших духовных проблем связано с тем, что мы обладаем утончённым интеллектом и мощным воображением. Наука и технологии, по сути, открыли перед нами безграничные горизонты. Поэтому мы иногда забываем о своей фундаментальной человеческой природе.

Уэда: Наша фундаментальная природа, природа всех человеческих существ.

Далай-лама: Да, наша фундаментальная природа – это природа всех человеческих существ, и возникает она из нашей фундаментальной природы как млекопитающих. Давайте рассмотрим современную медицину. Если человек болен, тибетская медицина обычно старается усилить естественную, присущую телу способность к исцелению. Однако западные хирургические методы предлагают просто отрезать ту часть тела, которая не работает, словно речь идёт о ремонте машины. Когда машина ломается, она не может починить себя сама. Сломанную деталь машины нужно извлечь и выбросить. Но наши тела не машины. Даже повреждённое, больное или раненое человеческое тело обладает естественно присущей ему способностью к исцелению. Если мы слишком полагаемся на современную науку и технологии, наш образ жизни становится образом жизни машины, и мы теряем связь со своей фундаментальной человеческой природой.

„Большинство наших духовных проблем связано с тем, что мы обладаем утончённым интеллектом и мощным воображением.“

В человеке, уподобившемся машине, не остаётся места развитию любви и сострадания к другим. Мы переполнены знаниями, но нам не хватает сострадания.

Уэда: Эта идея кажется мне очень интересной, поскольку моя первая исследовательская работа как антрополога была связана с психосоматикой и темой естественной способности тела к исцелению. Когда мне было около тридцати лет, я два года прожил на Шри-Ланке, изучая возможности народных буддийских ритуалов экзорцизма по излечению больных. В этих ярких ритуалах участвует вся деревня. Если человеку не становится лучше в больнице, если он страдает от депрессии или апатии, жители деревни устраивают для него ритуальное празднество, которое помогает ему исцелиться благодаря танцам и смеху, объединяющим всю деревню. Интересно, что на Шри-Ланке верят: злые духи обычно овладевают одинокими людьми. Там говорят: «Одиноким людям привлекают взгляд злых духов». Если другие люди смотрят на нас с добротой, злым духам до нас не добраться, но если другие люди игнорируют нас или озлоблены на нас, злые духи могут нас атаковать. В ходе таких ритуалов экзорцизма жители деревни собираются вместе, чтобы оказать поддержку больному человеку, провести время друг с другом, посмеяться, и именно любящий, сострадательный взгляд жителей деревни исцеляет одинокого больного.

Почему подобные ритуалы экзорцизма исцеляют людей? Вернувшись в Японию, я начал исследовать психосоматику и иммунологию. Я заинтересовался нейроиммунологией, ещё не очень известной в то время научной дисциплиной, исследующей то, как состояние ума человека влияет на иммунную систему и естественную способность тела к исцелению. Я выяснил, что научные исследования начинают подтверждать реальность сил, свидетелем которых я был в ходе ритуалов экзорцизма.

„Если человек болен, тибетская медицина обычно старается усилить естественную, присущую телу способность к исцелению. Однако западные хирургические методы предлагают просто отрезать ту часть тела, которая не работает, словно речь идёт о ремонте машины.“

Когда мы сотрудничаем друг с другом, когда нас объединяет взаимное доверие, когда мы исполнены любви и сострадания, наша иммунная система сильна. Но если кто-то нас предаёт, если мы чувствуем себя покинутыми, если мы злимся или грустим из-за того, как с нами обошлись, наша иммунная система значительно ослабевает. Чувство одиночества в сочетании с бессилием ослабляет иммунную систему как ничто другое. Когда мы чувствуем себя одинокими и брошенными и ничего не можем с этим поделать, когда никто не отнесётся к нам с любовью и состраданием, естественная защита организма опускается до своего минимума. В такой ситуации мы легко заболеваем. Кроме того, на нас может обрушиться болезнь вроде рака, которую наша иммунная система до этого держала под контролем. Наука уже доказала, что наше психическое здоровье и здоровье тела связаны на глубинном уровне.

Далай-лама: То, о чём вы говорите, очень мощное доказательство важности спокойствия ума, сострадания и доброты. В таком промышленно развитом обществе, как японское, недостаточно штудировать буддийские учения и писания. Мы должны попытаться связать эти учения с научным знанием. Страх, тревога и стресс ослабляют иммунную систему. Некоторые учёные даже говорят, что гнев буквально пожирает возможности нашей иммунной системы. С другой стороны, расслабленное состояние сострадания и доброты приносит нам внутренний мир, поддерживает и усиливает работу иммунной системы.

„Но наши тела не машины...Если мы слишком полагаемся на современную науку и технологии, наш образ жизни становится образом жизни машины, и мы теряем связь со своей фундаментальной человеческой природой...“

Научные факты говорят о важности внутренних ценностей для современного общества. Внутренних ценностей нам не дадут ни медицина, ни инъекции, ни машины. Мы можем лишь сами осознать то, насколько важны для нас эти ценности, и приложить силы к их развитию. Сейчас важно исследовать эти идеи в лабораториях нашего собственного ума – особенно всё, что касается эмоций.

В человеке, уподобившемся машине, не остаётся места развитию любви и сострадания к другим.“

Для этих целей буддийская традиция предлагает огромный арсенал средств. Буддизм подразделяет эмоции на категории и подробно объясняет, как справиться с негативными эмоциями и усилить позитивные. Так буддизм может занять своё важное место в нашей повседневной жизни.

„Страх, тревога и стресс ослабляют иммунную систему. Некоторые учёные даже говорят, что гнев буквально пожирает возможности нашей иммунной системы...

С другой стороны, расслабленное состояние сострадания и доброты приносит нам внутренний мир, поддерживает и усиливает работу иммунной системы.“

Глава 4

Просветлённый буддизм для современного мира

Уэда: Буддизм – это не только чтение сутр. Он также связан с научным знанием, о котором мы говорили, с взаимоотношениями между иммунной системой и внутренним состоянием доброты. Каково же значение буддизма сегодня и как мы можем применить его для решения проблем современного общества? Он не должен оставаться закрытой религиозной областью, его необходимо привнести в повседневную жизнь.

Далай-лама: Есть такая поговорка: «Если ваши действия не сопровождаются состоянием просветлённости, что бы вы ни делали, сколько бы мантр вы ни начитали, вы всё равно переродитесь змеёй». Просветлённый ум – это не просто знание, просветлённость – это изначальное качество ума. Мы чувствуем и переживаем её глубоко внутри себя. Церемоний, молитв, мантр и чтения сутр недостаточно. Чтение «Сутры сердца» без просветлённого ума ничем не отличается от проигрывания записи этой сутры. *(Смеется.)*

Уэда: Вы, конечно же, знаете о том, что японцы очень любят «Сутру сердца» и что некоторые непросветлённые священники действительно начитывают её так, словно проигрывают запись. Однако некоторые люди утверждают, что чтение «Сутры сердца» обладает волшебной силой. Я тоже чувствую, что звуки слов сутры содержат в себе что-то таинственное.

Далай-лама: Думаю, что при определённых, особых обстоятельствах для благоприятного эффекта достаточно просто услышать звуки сутр. *(Обращается к геше Дордже Дамдулу.)* Может ли это принести пользу животным? Если у животного не было кармы для создания благоприятного эффекта, может ли ему помочь чтение сутры, как вам кажется?

Геше Дордже Дамдул: Мне кажется, слушание сутры будет благоприятным для животного только в том случае, если у него уже была карма для создания положительного эффекта.

Далай-лама: Чтобы стать татхагатой (буквально «так пришедший», эпитет будды), необходимо накопить как заслуги, так и мудрость. Должно быть и то и другое. Это обязательно.

Чтобы оживить буддизм, нам необходимо возрождение буддизма. Для этого следует полностью объяснить буддизм с научной точки зрения и подкрепить его исследованиями. Думаю, что именно так необходимо действовать.

Уэда: Значит, учение буддизма может быть изменено или усовершенствовано?

Далай-лама: Нет. Изменять или исправлять буддийское учение нет нужды.

„Просветлённый ум – это не просто знание, просветлённость – это изначальное качество ума. Мы чувствуем и переживаем её глубоко внутри себя. Церемоний, молитв, мантр и чтения сутр недостаточно...“

Уэда: Но тогда что мы должны изменить? Само буддийское учение не нуждается в изменениях. В таком случае мы должны изменить своё отношение к нему? Или что-то ещё?

Чтение «Сутры сердца» без просветлённого ума ничем не отличается от проигрывания записи этой сутры.“

Далай-лама: Во-первых, буддийское сообщество должно обрести более глубокое понимание того, как работает система буддизма. После этого практика буддизма должна быть всесторонне исследована с точки зрения научных открытий, что докажет её подлинность и сделает её убедительной.

Далее монахи должны направлять остальных людей в изучении буддизма. Именно поэтому сами монахи должны уделять больше внимания обучению. Благодаря своей религиозной практике монахи должны стать примером добродетельных людей. Если монахи действительно смогут стать таким примером, люди естественным образом потянутся к изучению и практике буддизма.

Во всех этих изменениях нет ничего нового. Это не реформа, это возрождение.

Буддийский дух служения обществу

Уэда: Отправной точкой буддийских учений является человеческое страдание, и сегодня мы также должны начать с вопроса о том, какие страдания мы в настоящий момент испытываем. Если монахи просто проводят заранее заготовленные церемонии без учёта того, что действительно мучит людей, то даже когда они говорят о буддизме, их способ передачи учений не является буддийским. Их подход очень далёк от исходного намерения Будды Шакьямуни спасти людей от страданий.

Далай-лама: В 1960-х годах мне выпала возможность несколько раз посетить Таиланд. Однажды в беседе с верховным главой тайского монашеского буддизма Сангхараджей я сказал ему: «Наши христианские братья и сёстры совершенно искренне трудятся на благо общества в области медицины, образования и социальной защиты. Мы же, буддисты, не проявляли и не проявляем такой активности, и мне кажется, нам следует поучиться у наших христианских братьев и сестёр». Однако Сангхараджа ответил: «Нет, нам, буддийским монахам, следует сохранять изоляцию от общества». Он был прав. В сутрах винаи сказано, что монахи должны сохранять изоляцию от общества. Но это не означает, что мы должны избегать любых полезных и благоприятных контактов с обществом. Согласно винае, монаху следует жить в спокойном месте, вдали от мирян, соблюдать монашескую дисциплину и вести чистый образ жизни, но это не означает, что он не может служить обществу, в том числе заниматься социальной работой, благотворительностью, образованием.

Сам Будда был хорошим тому примером. Однажды он увидел больного монаха, который был очень грязным, поскольку никто за ним не ухаживал. Тогда Будда сам принёс воду, полил ею монаха и попросил своего ученика Ананду омыть тело больного. Будда не только проповедовал, но и действовал. Это настоящее служение обществу. Подобно Иисусу Христу, мы, последователи Будды, должны поддерживать в себе дух помощи больным и бедным, а также трудиться в области современного образования. Что касается тайской монастырской традиции, монахи могут жить в соответствии с сутрами винаи, вдали от мирской суеты, однако они также должны подражать Будде и его общественно полезной деятельности. Необходимо верное понимание и сочетание обоих аспектов религиозной жизни. Предписание, гласящее, что буддийские монахи и монахини должны жить вдали от мирян, не означает, что им полностью запрещено заниматься общественной деятельностью.

Уэда: Я с Вами согласен. С точки зрения повседневности, они не должны участвовать в мирской жизни, им следует оберегать священное пространство монашеской практики. Однако они также должны поддерживать дух сострадания и занимать активную общественную позицию. Так будет лучше всего. В последнее время даже в Таиланде с его хинаянской традицией устремления к индивидуальному освобождению появляются монахи, занимающиеся общественной деятельностью.

Далай-лама: *(С удивлением.)* В Таиланде? Я об этом не знал.

Уэда: В начале 1970-х годов некоторые тайские монахи начали вести общественную деятельность. Их называют «монахами развития». Они участвуют в такой деятельности, как строительство хосписов для больных СПИДом и создание программ помощи для бедных. Как Вы и сказали, основная часть влиятельных тайских буддистов по-прежнему не вовлечена в мирские активности, так что социальной деятельностью занимается лишь горстка монахов.

Далай-лама: Я слышал о монахах, которые занимаются проблемами окружающей среды. Но вообще я мало знаком с этой темой. В любом случае наши христианские братья и сёстры гораздо активнее в своём служении обществу. А что вы знаете о хинаянских буддистах Шри-Ланки?

Уэда: На Шри-Ланке существует знаменитое движение Сарводая Шрамадана.

Далай-лама: О нём мне известно.

Уэда: Это движение было основано молодым школьным учителем А.Т. Арьяратне. В его основе лежат учения буддизма, но главная его цель – динамичное развитие сельского хозяйства. Оно обрело такие масштабы, что стало одной из крупнейших неправительственных организаций в мире. Однако сейчас, говоря о нём, я понял, что Сарводая Шрамадана – это всё-таки движение мирян, а не монахов.

Далай-лама: Буддийское обучение основано на практике *каруны*, или сострадания. Сострадание же должно находить выражение в форме служения обществу. Это крайне важно.

Уэда: Некоторые прогрессивно мыслящие японские монахи, побывавшие в Таиланде, были поражены и тронуты тем, как сострадание хинаянских буддийских монахов нашло выражение в поддержке больных СПИДом, а также в других проектах. Поскольку японский буддизм относится к традиции махаяны, мы, конечно, склонны смотреть свысока на традиции Таиланда и Шри-Ланки, относя их к хинаяне, или «Малой колеснице» буддизма, целью которой является лишь индивидуальное освобождение. И всё же деятельность хинаянских буддистов доказывает, что эта колесница гораздо выше «Великой колесницы» японского буддизма. Монахи, возвращающиеся из Таиланда, бывают очень удивлены, поскольку видят, что, несмотря на все разговоры о пути бодхисаттвы и спасении всех существ, традиция японского буддизма на самом деле оказывается малой колесницей. В некоторых случаях этот опыт служит вдохновением для общественной деятельности в Японии.

Далай-лама: Понимаю. Некоторые хинаянские буддисты занимаются сострадательной деятельностью. Однако многие японские храмы и монастыри также учреждают и поддерживают школы. Это тоже замечательно.

Уэда: Да. При многих храмах есть школы и детские сады. Подобные учреждения действительно могли бы предоставить пространство для развития сострадания и доброты.

Буддизм и ответственность за самого себя

Далай-лама: В тибетской традиции очень большую роль играет гуру-йога, однако один из её негативных аспектов заключается в том, что, делая акцент на вверении себя гуру, она создаёт опасность слишком большой зависимости от гуру.

Однажды кто-то спросил меня, в чём смысл принятия прибежища (в Трёх драгоценностях: Будде, Дхарме и Сангхе). Вопрос заключался в том, означает ли принятие прибежища полную зависимость, потерю собственной автономности. Но с точки зрения буддизма и особенно традиции махаяны принять прибежище значит устремиться к тому, чтобы самому уподобиться Будде, – при этом сохраняется сильное чувство личного достоинства, и мы не становимся зависимыми.

Однако согласно религиям, которые принимают существование Бога, всё создано Богом и предопределено им. Бог велик, а я ничтожен.

Уэда: Меня вообще практически нет.

Далай-лама: С этой точки зрения «я» не может действовать автономно, поскольку мы полностью зависим от Бога-творца, всё предопределено Богом. Такой образ мышления очень полезен некоторым людям, но с точки зрения буддизма он не даёт человеку развить уверенность в себе, достоинство и творческую энергию, позволяющую достигать своих целей.

Будда учил тому, что в итоге вы сами должны стать буддой. Когда-то сам Будда Шакьямуни был обычным человеком, вроде нас с вами. Он подал нам пример своей практикой, позволившей ему достичь состояния будды.

Уэда: Ваша мысль совершенно ясна. С точки зрения буддизма мир не предопределён Богом – мы сами творим его. Учение буддизма начинается с укрепления собственной субъективности.

Теперь, Ваше Святейшество, я понимаю, что Вы имели в виду вчера, когда, говоря о состязательности, заметили: принять прибежище в Трёх драгоценностях значит принять дух соперничества с Буддой и Сангхой. Принять прибежище в Будде не значит вверять Будде всё, что у вас есть, это значит принять позитивный дух соперничества с Буддой, твёрдо заявить о собственном намерении стать буддой. Такой сигнал пробуждает дремавшую во мне энергию, так что я обретаю достоинство, сострадание и доброту, необходимые мне для самосовершенствования и деятельности в мире. Иногда во мне может возникать сострадательный гнев; я отброшу те привязанности, которые должны быть отброшены, но буду упорно держаться за привязанность бодхисаттвы к облегчению страданий мира.

За пределами страдания

Уэда: Я бы хотел задать Вашему Святейшеству вопрос о Срединном пути. Во время Вашей речи на международной буддийской конференции в Дели в 2004 году я был поражён тем, какое большое значение Вы придаёте Срединному пути. На этой крупной международной конференции собралось множество высоких монахов, и Вы разъясняли им, что Срединный путь очень важен с точки зрения буддизма, но он не подразумевает постоянного нахождения посередине, избегания любых крайностей. Сам Будда был наследным принцем и наслаждался всеми мирскими удовольствиями во дворце, после чего отрёкся от мирской жизни и отправился практиковать аскезу в удалении от человеческой цивилизации – он постился и подвергал себя суровым испытаниям, в результате чего чуть не расстался с жизнью. Однако ему не удалось достичь просветления посредством аскетических практик, так что он вышел из леса, позволил своему телу и уму восстановить силы, а затем погрузился в медитацию и достиг просветления. Вы говорили, что следовать Срединному пути – значит избегать крайних степеней удовольствия и боли, но не значит, что мы с самого начала должны придерживаться умеренных позиций.

„Будда не только проповедовал, но и действовал. Это настоящее служение обществу. Подобно Иисусу Христу, мы, последователи Будды, должны поддерживать в себе дух помощи больным и бедным, а также трудиться в области современного образования.“

Иногда мы отправляемся в такие места, где люди страдают, чтобы на собственном опыте испытать то, через что им приходится пройти, а иногда удаляемся в умиротворённую тишь монастырей. С точки зрения буддизма подлинный смысл Срединного пути заключается в том, чтобы динамически перемещаться между этими двумя состояниями и испытывать их оба. Ваша речь в Дели произвела на меня большое впечатление, поскольку очень многие монахи и буддисты вообще не касаются проблемы страдания, но считают, что следовать Срединному пути – значит занимать удобное положение посередине, избегая любых крайностей и ничего не делая.

„Буддийское обучение основано на практике каруны, или сострадания. Сострадание же должно находить выражение в форме служения обществу. Это крайне важно.“

В той же лекции Вы сказали: все мы собрались вместе, чтобы поддержать мир на земле. Затем Вы спросили нашего мнения о том, почему важен мир: потому, что так учил Будда, или потому, что мы сами глубоко убеждены в необходимости действий, направленных на улучшение сложившейся в мире ситуации. Вы сказали: недостаточно желать мира лишь потому, что о его важности говорил Будда.

Ваше Святейшество, Вы также сказали: сколько бы раз нам ни пришлось лично столкнуться с ужасом насилия, если мы не убеждены в необходимости мира, наши слова о том, что Будда учил важности мира, будут пустым звуком. Вы объясняли, что медитировать в тиши монастыря недостаточно – мы должны противостоять насилию во внешнем мире.

Далай-лама: Глупо утверждать, что следовать Срединному пути – значит сохранять безразличие к реальности или даже ничего не знать о других крайностях.

Будда учил, что нам необходим мир. Естественно, у нас может возникнуть вопрос: почему он говорил о важности мира. Почему?

Мы знаем, что насилие порождает страдание. Поэтому мы можем стремиться к миру, считая, что для избавления от страдания мы должны положить конец насилию. Нам необходимы как учения Будды, так и понимание, основанное на нашем собственном опыте.

Из истории жизни Будды становится ясно, почему он учил Срединному пути. Сам Будда учил, основываясь на собственном опыте. В начале жизни он был молодым принцем из богатой семьи, крайне избалованным и не подозревавшим, что после рождения люди переживают старение, болезнь и смерть. Жизнь была благосклонна к нему во всех отношениях, и он даже не помышлял о том, что однажды состарится, заболеет и умрёт. Но когда он наконец вышел из дворца и увидел жизнь простых горожан, когда увидел больного, старика и умирающего, он впервые понял, какова реальность на самом деле. Он был поражён, когда своими глазами увидел людей, испытывающих страдания рождения, старения, болезни и смерти, и понял, что рано или поздно ему самому придётся столкнуться с подобными страданиями. Тогда он впервые осознал реальность человеческого страдания. Он отказался от своего роскошного образа жизни и положения наследника престола, отрёкся от мира, в одиночестве покинул дворец, чтобы получить религиозное обучение, и в течение шести лет практиковал аскезу.

„Будда учил тому, что в итоге вы сами должны стать буддой. Когда-то сам Будда Шакьямуни был обычным человеком, вроде нас с вами.“

В течение этих шести лет он часто постился, но в конце концов осознал, что поста и других физических усилий недостаточно. Он понял, что должен использовать свой разум, и поэтому прекратил свои аскетические практики и вновь начал принимать пищу. Используя свой разум для развития мудрости, он впервые достиг просветления.

„Даже если мы не будем специально к этому стремиться, рано или поздно мы испытаем страдание и захотим прекратить его. Мы должны понять: чтобы избавиться от страдания, недостаточно аскезы – совершенно необходимо использовать человеческий разум для развития мудрости.“

Все учения Будды основаны на его собственном опыте. Во-первых, мы должны осознать страдание. Даже если мы не будем специально к этому стремиться, рано или поздно мы испытаем страдание и захотим прекратить его. Мы должны понять: чтобы избавиться от страдания, недостаточно аскезы – совершенно необходимо использовать человеческий разум для развития мудрости. Сам Будда учил, опираясь на собственный опыт, так что мы тоже должны начать с собственного опыта страдания.

Другие религиозные лидеры также говорят об этом. Например, Христу пришлось столкнуться с многочисленными испытаниями, с ужасными страданиями, и в конце концов

он был распят на кресте. Но, как мне кажется, учение буддизма более точно и человечно в своём подходе к страданию.

Эпилог После интервью

В конце интервью Далай-ламу очень рассмешила одна из моих шуток. Он продолжал смеяться очень долго. Этот взрыв энергии стал подходящим завершением двухдневного интервью.

С начала интервью и до его завершения комната, в которой мы беседовали, была наполнена энергией – когда мы молча погружались в свои мысли, когда выражали гнев и возмущение, когда внимательно слушали друг друга и когда весело смеялись вместе. Слова заключения казались излишними. Все в комнате знали, что каждое мгновение нашего разговора было наполнено глубинным смыслом. Кроме того, все мы были уверены, что обязаны поделиться материалом нашей беседы, опубликовав его.

Встав, Далай-лама накинул мне на шею церемониальный шарф – *ката* – и благословил меня. Затем он взял меня за руку и проводил во внутренний двор, где мы сфотографировались.

Хотя стоял декабрь, во дворе, в чудесном саду, залитом солнечным светом, цвели несколько цветов. После двух дней усердного сосредоточения я был доволен нашей беседой и, шагая по саду с Далай-ламой, державшим меня за руку, ощущал блаженство. Когда мы фотографировались, он вновь взял мою руку и не отпускал до конца фотосессии, пока мы не вернулись внутрь.

«Мы с вами встретимся вновь», – произнёс Далай-лама, наконец отпуская мою руку в коридоре, где мы стояли, глядя на сад.

«Я хочу сделать из нашей беседы хорошую книгу, – сказал я. – А в следующем году я буду с нетерпением ждать Вашего визита в Японию».

«Хорошо! Спасибо!» – ответил Далай-лама. Он улыбнулся, повернулся и направился обратно в гостиную. Провожая его взглядом, я почувствовал огромную благодарность. Сам того не осознавая, я сложил ладони вместе и поклонился ему.

Дойдя до двери в гостиную, Далай-лама повернулся, сложил ладони вместе в прощальном жесте, улыбнулся и исчез в комнате. Хотя он уже удалился, я некоторое время стоял неподвижно со сложенными вместе ладонями.

Когда я вернулся в комнату для приёмов, меня ожидали переводчик Далай-ламы с английского геше Дордже Дамдул и его секретарь Тензин Таклха.

«Это было удивительное интервью. Я очень вам благодарен», – сказал я.

«Далай-ламе давно хотелось обсудить те вопросы, которые вы задавали, и те темы, на которые вы говорили. Поэтому он был так счастлив беседовать с вами», – ответил геше Дордже Дамдул тем же искренним тоном, каким говорил во время интервью.

Я пообещал, что мы встретимся вновь, и попрощался с ними. По дороге обратно в гостиницу я и мои спутники испытывали чувство глубокого удовлетворения.

«У Далай-ламы такое потрясающее лицо! Ни у кого в мире нет такого лица. И беседа получилась великолепной, в ней было так много энергии», – сказал господин Омуре, мой фотограф, всё ещё взволнованный встречей. Эти слова восхищения, прозвучавшие из уст многоопытного фотографа, непрерывно путешествовавшего по Азии, снимавшего памятники, буддийские сюжеты и обычных людей и хорошо знакомого любому исследователю Азии, выражали наши общие чувства. Господин Омуре оказался в Дели для другой фотосъемки и присоединился к нам, чтобы снимать интервью, в последний момент. Будучи опытным путешественником, исколесившим всю Азию, он нашёл для нас автомобиль, который

не должен был сломаться ночью посреди дороги, лично купил тёплые одеяла, чтобы защитить нас от холода, и вообще выполнял в нашем путешествии роль божества-охранителя.

В словах Марии Ринчен (*во время интервью переводившей слова Далай-ламы на японский*) также звучала смесь удивления и волнения. «Мне кажется, Далай-лама почувствовал, что к нему из Японии прибыл собеседник, с которым он может по-настоящему поговорить, – сказала она. – В качестве переводчика я провела рядом с ним много времени, но таким его увидела впервые».

Присутствие при этом разговоре сделало бы счастливым любого. Все мы получили особый опыт.

Интервью было окончено, но нам ещё предстояло многое сделать. Вернувшись в гостиницу, мы сразу начали работать над переводом интервью второго дня. Я знал, что если пройдёт слишком много времени, я уже не смогу восстановить в памяти некоторые фигуры речи и контекст разговора. Мы планировали закончить первый черновик книги в Дхарамсале. Пока мы сосредоточенно трудились над переводом, за окнами стемнело.

Мы продолжили работу на следующее утро и закончили к обеду. В тот момент мы действительно почувствовали, что интервью с Далай-ламой окончено. Неспешно наслаждаясь обедом в ресторане гостиницы, из которого открывался вид на долину, я почувствовал, что теперь наконец могу расслабиться. Во время интервью я полностью вверил себя энергии пространства, и каждый миг был поглощён разговором. Однако, работая над переводом, я осознал много нового.

Интервью закончилось взрывом смеха, однако финальный аккорд разговора был внимательно подобран самим Далай-ламой. Он сказал, что эксплуатации подвергаются не только люди, но и животные. Я вспомнил, что в начале беседы он также произносил слово «эксплуатация». Интервью началось с разговора об «эксплуатации» и закончилось им. Хотя монахи и говорят о помощи другим существам, это не мешает им употреблять их в пищу. Далай-лама был хорошо осведомлён о пороках, жертвой которых становятся религиозные лица. Если бы он злоупотреблял собственным авторитетом и властью, он мог бы подвергнуть страданиям многих людей. Он это прекрасно понимал.

Вот оно, подумал я. Во время интервью Далай-лама ни разу не воспользовался собственным авторитетом или властью. Он ни разу не был высокомерен по отношению ко мне. Несмотря на мою молодость и неопытность, он всегда говорил со мной как с равным. Мы на равных вели дискуссию, радовались новым идеям и говорили о том, как построить будущее. Отсутствие в Далай-ламе сомнений сделало такую свободную беседу возможной.

Некоторые критикуют Далай-ламу за то, что он является не только религиозным, но и политическим деятелем⁴. Разумеется, будучи «верховным правителем» Тибета, в настоящее время переживающего трагический период своей истории, и желая восстановить мир и автономию своей родины, он принимает активное участие в политике. Во время интервью он подчёркивал общественную природу буддизма, говорил, что буддисты должны заниматься ответственной общественной деятельностью и, посвящая себя религиозной практике, помогать тем, кто столкнулся в своей жизни с трудностями.

Даже те религиозные лица, которые утверждают, что монахи не должны вмешиваться в проблемы общества и интересоваться политикой, иногда проявляют крайнюю политическую активность. Они ведут себя авторитарно, заставляют людей участвовать в дискуссиях, на которые могут легко повлиять, выставляют напоказ свои знания и силу и активно привлекают последователей. Они говорят, что монахи не должны вовлекаться в политику, и всё же рьяно отстаивают свои политические интересы внутри религиозного сообщества и тратят

⁴ См. примечание 1.

большие деньги, чтобы победить на внутренних выборах. Они подчёркивают своё положение цветом одежды и борются за достижение более высоких позиций в иерархии.

Их не заботят проблемы общества и не интересуют страдания людей, и всё же они получают удовольствие от внутренних политических игр и стремятся возвыситься в рамках своих религиозных институтов. Заняв высокое положение, они кичатся своей властью и авторитетом и используют их, чтобы контролировать других людей. Далай-лама прекрасно понимает, что если религиозный человек не занимается собственной дисциплиной, он может легко поступиться моралью. Именно это он называет «эксплуатацией».

«Эксплуатация» – это жестокое слово. И всё же, поскольку оно связано с самодисциплиной, оно является источником свободы. Мне кажется, что появление слова «эксплуатация» в начале и в конце интервью отчасти вызвано свободным характером и теплотой нашей беседы.

Преыдущие два дня я провёл в отеле и в резиденции Далай-ламы. Теперь же наконец у меня появилась возможность прогуляться по Дхарамсале. Но ноги вновь принесли меня к резиденции Его Святейшества. Его дом и монастырь Намгьял стоят на небольшом холме, вокруг которого проложена дорога. Чтобы полностью обойти их, достаточно получаса, но это тот священный путь, на котором вы всегда встретите паломников, прибывших посетить Дхарамсалу.

Спустившись по склону слева от входа в монастырь Намгьял, я быстро оказался на этой дороге. Эту неширокую тропу легко пропустить. Я двигался по часовой стрелке, так что холм с дворцом Далай-ламы и храмом находился справа от меня. Небо было ясным, на нём не было ни облака. Позади, слева от меня, осталась горная цепь Гималаев, а передо мной лежал индийский пейзаж. Потеплело, и я снял свой свитер.

На камнях вдоль дороги были вырезаны тибетские символы. Это была мантра Авалокитешвары «Ом мани падме хум» – слова, которые люди начитывают, выражая благодарность за сострадание этого бодхисаттвы. Каждая буква мантры была выкрашена в один из ярких цветов: белый, зелёный, жёлтый, красный, синий – и, проходя мимо них, я ощутил странное опьянение их видом. Через несколько минут, когда я остановился перед буквами, к камню подошла группа тибетцев, не обративших на меня никакого внимания. Была середина рабочего дня, поэтому большинство из них были пожилыми людьми. В некоторых местах на пути установлены большие и маленькие молитвенные барабаны. Считается, что вращение нескольких сотен барабанов с надписями «Ом мани падме хум» во время кругового обхода храма даёт такой же результат, как начитывание нескольких сот мантр. Таким образом, люди начитывают несчётное количество мантр, произнося их вслух, одновременно совершая круговой обход и вращая молитвенные барабаны.

Примерно в середине пути на небольшом холме находился расчищенный участок, на котором стояла ступа (постройка, в которой хранятся различные буддийские реликвии). Когда я поднялся по лестнице к ступе, передо мной открылся вид во всех четырёх направлениях. Справа тянулись Гималаи, а слева парили на ветру бесчисленные молитвенные флаги. Эти молитвенные флаги, которые называют словом «лунгта», также были ярких цветов: белыми, зелёными, жёлтыми, красными и синими. Казалось, что этот пейзаж принадлежит другому миру. И тут я услышал голос, читавший сутры. Повернувшись, я увидел на склоне холма молодого монаха, вероятно, ещё подростка. Мне показалось, что он заучивает сутры перед экзаменом, ходя по кругу и раз за разом сосредоточенно повторяя текст. Вся эта картина: молодой монах, читающий сутры у ступы в окружении бесчисленных молитвенных флагов, развевающихся на ветру на фоне возвышающихся вдалеке величественных Гималаев, – была очень живописной.

Без сомнений, это было священное место. Это была святая земля Авалокитешвары. В центре этого кругового пути обитал воплощённый Авалокитешвара – Далай-лама. День

выдался тихий. Небо было совершенно безоблачным, и Гималаи искрились на солнце. Люди, которых я встретил, обладали глубокой верой. Всё было так, как должно быть. Священное время текло сквозь чистое пространство. Я провёл рядом со ступой несколько блаженных минут.

И всё же... Счастливые мгновения были прерваны осознанием того, что не всё находилось на своём месте. Я видел перед собой сияющие, высокие Гималаи, но родина тибетцев лежала по другую сторону от них. Все эти люди были беженцами, которые перешли через Гималаи. И даже сам Авалокитешвара был одним из них.

Общественная деятельность Далай-ламы в Индии

Ещё раз обойдя вокруг монастыря, мы посетили школу-интернат Tibetan Children's Village (TCV) для тибетских детей-беженцев, расположенную примерно в четырёх километрах вверх от Дхарамсалы. Всего в Индии семь школ TCV, и школа в Дхарамсале является их штаб-квартирой. В этих школах обучается в общей сложности пятнадцать тысяч детей – от младенческого возраста до восемнадцати лет, две тысячи пятьсот из которых учатся в Дхарамсале.

Почему это школа-интернат? Потому что большинство родителей этих детей всё ещё находятся в Тибете. Кроме того, многие из этих детей – сироты. Ежегодно Гималаи пересекают четыреста детей-беженцев. Часть из них совершают этот путь вместе с родителями, в то время как некоторых детей родители, оставаясь в Тибете, отдают на попечение другим беженцам, которые помогают им пересечь границу. Часто родители переводят детей через границу, оставляют их, а сами возвращаются в Тибет.

Почему эти родители отправляют своих детей в изгнание, означающее разлуку с ними? Потому что в Тибете тибетцы живут в бедности и не имеют доступа к достойному образованию. В Тибете нет системы образования, которая была бы основана на традиционной тибетской культуре. Многие родители хотят, чтобы их дети по крайней мере изучили тибетский язык, и поэтому отправляют их в изгнание. Это тяжёлый путь. Даже взрослые иногда умирают от холода при переходе через Гималаи. Им приходится идти пешком более десяти дней, борясь с голодом и холодом. Другая опасность – пограничники, которые без колебаний стреляют даже в детей. Как показано в трогательном до глубины души документальном фильме «Бегство через Гималаи»⁵, выжившие при переходе через границу дети плачут от тоски по своим матерям. Такие дети попадают в школу Tibetan Children's Village.

И всё же в школе царил атмосфера веселья и радости. Из неё огромные Гималаи на фоне голубого неба казались ещё ярче, чем из городка внизу. Здания оказались гораздо лучше, чем я себе представлял, хотя интерьеры были настолько скромными, что японские ученики были бы потрясены, увидев их. Но самое главное, дети были здоровыми и счастливыми. Разумеется, как и любые другие дети, они иногда дрались и ссорились, но, просто взглянув на них, можно было понять, где сосредоточена их энергия. Школа была наполнена любовью и добротой, о которых говорил Далай-лама. Дети всех возрастов – от дошкольников до старшеклассников росли вместе и учились заботиться друг о друге как братья и сёстры.

Уровень образования в школе также оказался достаточно высок. Около половины выпускников продолжают своё обучение в индийских университетах, хотя в Индии поступить в университет гораздо сложнее, чем в Японии. Вообще-то, все трое детей Марии учились в этой школе для беженцев, хотя, чтобы добраться туда, им приходилось каждый день проходить пешком шесть километров. В настоящее время один из них учится в американской школе, а другой – в британской. Я познакомился со старшей дочерью Марии во время её приезда в Японию – она изучает медицину и горит желанием стать кардиологом. Это заставило меня задуматься о японском образовании. Почему с самого раннего возраста мы отправляем своих детей в школы с крайне насыщенной программой и заставляем упорно готовиться к экзаменам, но не занимаемся развитием их внутренних качеств, таких как любовь и сострадание? Зачем мы тратим на образование молодых людей такое количество денег, если они всё равно приобретают комплекс неполноценности и не имеют ни мечтаний, ни способности к академической деятельности?

⁵ Flucht über den Himalaya: Tibets Kinder auf dem Weg ins Exil.

Я подумал, что весёлая атмосфера школы для беженцев была напрямую связана с весёлым нравом Далай-ламы. Можно сказать, что всем этим детям не повезло: они не могут положиться на своих родителей, ведь те так далеко. Возможно, им никогда не суждено вернуться на свою родину. И всё же в чём-то им повезло: они усердно учатся и благодарны своим родителям, которые, хотя и не могут быть рядом, пожелали дать им наилучшее возможное образование, а также тем, кто поддерживает их здесь. Эти дети невероятно счастливы.

Эта школа для беженцев была основана старшей сестрой Далай-ламы, Церинг Долмой, в качестве дома для детей, оставшихся без родителей, а после её смерти дело продолжила младшая сестра Далай-ламы, Джецун Пема. Все члены семьи Далай-ламы ведут активную общественную деятельность. Они энергично взялись за нелёгкое дело приёма детей-беженцев – физически и умственно истощённых и страдающих от разлуки с родителями, оставшимися где-то далеко.

Крылья свободы

После своего интервью с Далай-ламой мне стал известен один факт, который крайне меня удивил. Утром второго дня нашего интервью, перед нашей дневной встречей, Далай-лама принимал группу беженцев, только что прибывших в Дхарамсалу из Китая. Эти люди шли через Гималаи, рискуя своими жизнями и неся в своих сердцах образ Далай-ламы, не боясь ни холода, ни высотной болезни, ни пуль пограничников. Многим из тех, кто перешел переход, из-за обморожения приходится ампутировать пальцы на руках и ногах. Некоторые из них настолько истощены, что, преодолев границу, сразу же заболевают. Сначала они проходят лечение в центре приёма беженцев в Непале, а когда к ним возвращаются силы, отправляются группами из нескольких десятков человек в Дхарамсалу. Там они встречаются с Далай-ламой, увидеть которого мечтали всю свою жизнь.

Такая встреча имела место утром предыдущего дня. Должно быть, она произвела ошеломляющий эффект на вновь прибывших беженцев. Вероятно, они были глубоко тронуты – настолько, что мы даже не можем себе представить.

Время для моего интервью с Далай-ламой было найдено в его плотном графике в последнюю минуту. Через два дня после него он должен был отправиться в Бодхгаю, чтобы дать учение Дхармы тысячам собравшихся людей. Его секретарь Тензин Таклаха сказал мне, что интервью можно было провести лишь в эти два дня, и нашёл для меня время в действительно очень плотном графике. Эти старания отражали желание самого Далай-ламы встретиться со мной, и я не мог подобрать слов, чтобы выразить свою благодарность.

Мне остаётся лишь восхищаться силой, позволившей ему дать такое интервью после утренней встречи с вновь прибывшими беженцами, которые, должно быть, трепетали от переполнявших их эмоций. И всё же за этими эмоциями была скрыта великая печаль. Разве счастливые люди бегут из своей страны? Члены семей этих людей были убиты или подверглись пыткам, а сами они столкнулись с нищетой и отчаянием. Их единственной надеждой было бегство с родины, и им пришлось рискнуть собственными жизнями, чтобы пересечь границу. Далай-ламе знакома их печаль. Ему знакомы их страдания. Он впитал их всем своим существом.

Он столкнулся с их печалью и болью, со всеми бессмысленными страданиями и жестокостью, которые они перенесли. И всё же через несколько часов он говорил совершенно свободно, с огромной творческой энергией, полностью отдавшись своему детскому любопытству. Он полностью изменил состояние своего ума и свои чувства и, беседуя со мной, от души смеялся. Как ему это удалось? Как он смог так переключиться? Большинству людей это было бы не под силу.

Но это не было эмоциональным переключением. Утро и день были связаны друг с другом. Он сам переживал печаль, страдание, абсурдность обстоятельств и жестокость этого мира. Он разделяет с людьми их боль, он стонет от боли вместе с ними. Он чувствует тот же гнев и ту же ярость, что и они. Этот гнев заставляет его искать причины страдания, которое существует в мире, и усердствовать в собственной духовной практике, чтобы напрямую противостоять страданию и привести человечество к просветлению, чтобы содействовать созданию общества без эксплуатации и насилия, несущего свободу и счастье всем людям.

Переживания боли и горя ведут к просветлению и зарождению глубокого желания освободиться. Возникает великая жажда свободы. Буддизм – это путь от боли к безграничной свободе. Это тот путь, по которому прошёл сам Будда.

Спасение для всех

Во время своего интервью с Далай-ламой я впервые осознал смысл того, что он является живым воплощением Авалокитешвары, и смысл его существования вообще.

Хорошо известно, что Далай-лама раз за разом воплощается в человеческом теле. Когда Далай-лама умирает, создаётся группа людей, ответственных за поиск Далай-ламы и путешествующих по всему Тибету, чтобы найти ребёнка, который является его новым воплощением. Четырнадцатого Далай-ламу, являющегося реинкарнацией Тринадцатого Далай-ламы, обнаружили, когда ему было три года. Реинкарнация Далай-ламы также является воплощением Авалокитешвары. После того как жизнь Авалокитешвары в человеческой форме подходит к концу, он вновь воплощается в другом человеческом теле.

Японцам такое представление кажется экзотичным, а жителям Запада – и подавно. Когда я впервые лично увидел Далай-ламу на международной конференции семнадцать лет назад, участники, прибывшие с Запада, смотрели на него с изумлением, зачарованные «тайной Востока», воплощением которой он для них являлся.

Но почему Далай-лама перерождается? Зачем бодхисаттве Авалокитешваре раз за разом являть свою манифестацию? Многие люди говорят, что это происходит потому, что тибетское общество верит в перерождение. Все живые существа, в том числе Далай-лама и другие бодхисаттвы, перерождаются снова и снова. Лишь Будда вышел за пределы цикла рождений и смертей. Жизнь – это страдание, и реинкарнация – это продолжение страдания. Только Будда вышел за пределы рождения и смерти и достиг освобождения нирваны.

И всё же Авалокитешвара перерождается по собственному желанию. Бодхисаттва Авалокитешвара поклялся перед Буддой Амидой, что спасёт всех живых существ. Он ведёт живых существ к спасению в течение бесчисленных эонов – до тех пор, пока в конце концов не достигнет просветления и Будда Амиды не предложит ему стать буддой. Однако Авалокитешвара отвергает это предложение. Он говорит: «Я хочу испытывать привязанность к помощи живым существам. Я не стану буддой, но буду возвращаться как бодхисаттва, пока не спасу от страданий всех живых существ».

«Вместо того чтобы достичь освобождения и стать буддой, я хочу переродиться и вести к спасению живых существ...»

Далай-лама не просто перерождается. В форме Далай-ламы проявляется воля бодхисаттвы спасти живых существ от страданий. Далай-лама уделяет большое внимание позитивной привязанности, которую стоит поддерживать, поскольку сам является проявлением привязанности Авалокитешвары. Если бы не было его привязанности к спасению живых существ, Далай-ламы бы не существовало. Именно эта привязанность подталкивает его к рождению. Я остро чувствовал это на протяжении всего интервью. Есть воля, предшествующая рождению и смерти. Есть воля, предшествующая существованию. Это бодхисаттва.

Однако Авалокитешвара воплощается не только для того, чтобы поддержать древнюю традицию. Чтобы спасти живых существ, буддизм должен меняться в духе времени. Бодхисаттва должен непрерывно стремиться к новым знаниям. Он должен глубоко изучить как древние традиции, так и современное общество и современную науку. Он должен искать пути сочетания традиционных буддийских учений с нуждами современного общества и постоянно исследовать роль буддизма в современном мире. Если он не будет этого делать, ему не удастся никого спасти.

Сам Далай-лама должен глубоко ощущать то, что если буддизм не идёт в ногу со временем, он не имеет никакой силы, и бодхисаттва, неспособный обратиться к обществу, в котором живёт, также бессилён. Вот как Далай-лама описывает свои юные годы, проведённые

в Тибете в книге «Свобода в изгнании: автобиография Далай-ламы»⁶: «Разумеется, пока я жил в Тибете, то, что я был Далай-ламой, имело огромное значение. Это означало, что в моей жизни никогда не было тяжёлого труда и лишений, на которые была обречена подавляющая часть моего народа. Куда бы я ни шёл, меня сопровождала свита слуг. Меня окружали министры и советники, облачённые в роскошные шёлковые одеяния, выходцы из самых знатных аристократических семей в стране. Меня ежедневно сопровождали выдающиеся учёные и высокорезализованные духовные мастера».

Пока Далай-лама был ребёнком, реальная политическая власть находилась в руках регентов, среди которых были коррумпированные люди, искавшие собственной выгоды, в силу своей недалёковидности проигнорировавшие произошедшую в Китае революцию и допустившие китайское вторжение. Буддийские учения также не могли противостоять вторжению. Это ощущение бессилия ярко отражено в автобиографии Далай-ламы.

Каким бы глубинным ни было учение, если оно не соответствует времени, оно бессильно помочь страдающим людям. По всей вероятности, Далай-лама ощущал своё бессилие, но он не позволил этому чувству завладеть им. Что он мог сделать, будучи Авалокитешварой, чтобы покончить со страданиями людей? Ему пришлось отбросить оболочку человека, которым он был прежде.

Он перестал править с вершины иерархии, откуда мог говорить лишь с теми людьми, которые ему поклонялись. Чтобы проверить логику буддийских учений, он начал на равных вести дискуссии с учёными, политиками и религиозными лидерами. Продвигаясь наощупь, в поисках места буддизма в современном мире, он ставил себя в такие ситуации, когда ему приходилось терпеть поражение в спорах. Такой подход диаметрально противоположен поведению религиозных фигур, которые также ощущают своё бессилие, но никогда не принимают участия в дебатах, если не уверены в своей победе и возможности блеснуть публично. Далай-лама не использовал буддизм для укрепления своей власти – он лишь стремился помочь человечеству.

Слыша, что Далай-лама является живым воплощением Авалокитешвары, мы склонны думать, что это представление принадлежит древней, устаревшей традиции. И всё же именно благодаря тому, что Далай-лама является воплощением Авалокитешвары, он находится на переднем крае современного общества. В 2005 году, посещая Стэнфордский университет, он посвятил один день своей трёхдневной программы симпозиуму с ведущими нейробиологами из медицинской школы, обсуждая с ними механизмы возникновения страстного желания, привязанности и страдания. Сегодня Далай-лама активно участвует в диалоге с лидерами современного мира.

В семьдесят лет его жизни уместились феодализм, современность и постсовременность. Его воспитывали как правителя в феодальной системе, однако оказавшись в изгнании, он выступал за политическую и религиозную модернизацию. По его мнению, на смену равнодушному современному обществу, должно прийти общество, фундаментом которого являются любовь и доброта. Любовь и доброта – это не просто возрождение традиционных ценностей. Речь идёт не о движении за восстановление того, что когда-то было утрачено, а о проявлении любви и доброты, родившихся с приходом модернизации, которые соответствуют духу нашего времени.

Авалокитешвара, жизнь которого начиналась при феодализме и продолжается в постсовременности, не кто иной, как Четырнадцатый Далай-лама.

Русскоязычный сайт Его Святейшества XIV Далай-ламы

⁶ Freedom in Exile: The Autobiography of the Dalai Lama (New York: HarperCollins, 1991).

www.dalailama.ru

Благодарность

Эта книга написана при поддержке множества людей, и я хотел бы от всего сердца поблагодарить их всех.

Кавахара Эисо, главный священник штаб-квартиры школы сингон-рицу Ренгеин в Тондзодзи, впервые представил меня Его Святейшеству Далай-ламе. Господин Кавахара, посвятивший себя международной волонтерской деятельности и испытывающий глубокое уважение к Далай-ламе, в 2005 году пригласил его дать лекцию и провести симпозиум в Ренгеине, префектура Кумамото. Вдохновлённый моей книгой «Новое пробуждение японского буддизма», он пообещал мне организовать интервью с Далай-ламой и написал ему несколько писем. Без его незримого участия это интервью не могло бы состояться. Выражаю свою искреннюю благодарность невероятно активному, смелому, одновременно пылкому и дотошному господину Кавахаре.

Представители офиса Далай-ламы в Японии Чопе Палджор Церинг и Лунгток делились со мной своими глубокими соображениями, помогли мне поддерживать связь с правительством Далай-ламы и представили меня Его Святейшеству, когда он прибыл в Японию. «Если проект основан на доброй внутренней мотивации, он непременно будет успешным», – сказал мне представитель Чопе, и я очень счастлив, что результат моих трудов соответствует его ожиданиям. Кроме того, я хочу искренне поблагодарить секретаря Далай-ламы Тензина Таклха за идеальную организацию интервью, а также геше Дордже Дамдула за его великодушную поддержку.

Подготовкой нашей поездки по Индии занимался фотограф, сделавший замечательные снимки для этой книги, Омура Цугусато. Господин Омура обладает обширными знаниями об Индии, кроме того, он приобрёл для меня замечательное тёплое одеяло, без которого мне не удалось бы не только поспать, но и вообще дожить до интервью. Мария Ринчен, живущая в Дхарамсале, обеспечила ясный перевод слов Далай-ламы на японский язык. Мария, обладающая многими практическими знаниями и милой улыбкой, с радостью оказала нам поддержку во время интервью. В перерывах между работой я узнал историю её жизни, настолько уникальную, что все знакомые с ней люди убеждают её написать автобиографию, и я присоединяюсь к их просьбе.

Возможностью провести интервью с Далай-ламой на английском языке я обязан студентам Стэнфордского университета – до знакомства с ними я вряд ли взялся бы за подобный проект. В ходе моего состоящего из двадцати лекций курса на тему «Поможет ли буддизм найти решение современных проблем?» они терпеливо мирились с моим слабым английским и активно вели со мной диалог, дав мне опыт, необходимый для проведения интервью. Кроме того, я хочу поблагодарить своего доброго друга, адъюнкт-профессора Михаэля Циммермана (из Гамбургского университета), пригласившего меня провести совместный курс, а также Карла Билефельдта и Бернара Форэ (из Колумбийского университета) за любезный приём, который они мне оказали в Стэнфордском центре изучения буддизма.

Наконец, самую большую благодарность я бы хотел выразить Его Святейшеству Далай-ламе. Нет слов, которые могли бы передать то, насколько я благодарен ему за возможность этого интервью и за те время и энергию, что он вложил в этот проект. Я надеюсь, что смогу донести его послание до японского народа и внесу свой скромный вклад в развитие истинной любви и сострадания в Японии. Я также надеюсь, что оправдаю благословение Далай-ламы, продолжив говорить о мире с сострадательным гневом. Я от всего сердца молюсь о здоровье Его Святейшества, о свободе и мире в Тибете и всегда буду помнить о глобальной ответственности Японии перед лицом будущего.

1 июня 2007 г.